

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 1 / 2017

В НОМЕРЕ:

- Роль военной прокуратуры в защите прав военнослужащих: современное состояние вопроса
- Об учете интересов национальной безопасности Российской Федерации в вопросе разграничения арктического шельфа
- Прерванный полет (патриарху отечественной военно-правовой науки Николаю Владимировичу Артамонову посвящается)
- Положение и общественное мнение военнослужащих в условиях смены общественно-экономической формации в 1991-1993 годах

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№1
2017

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию
статьи проходят обязательную
экспертизу в соответствии
с требованиями Инструкции
о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому
опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Военного университета

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
директор Департамента претензионной
и судебно-правовой работы
Министерства обороны Российской Федерации

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей, помощник начальника
Военного университета по работе
с верующими военнослужащими

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель Главного
военного следственного управления

Фридинский Сергей Николаевич,
доктор юридических наук,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации – главный военный
прокурор

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по темам военного права, военных проблем международного права

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:
Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:
Старцун В.Н.

Научный редактор:
Дерешко Б.Ю.

Шеф-редактор:
Балканов И.В.

Выпускающий редактор:
Кислый Ю.П.

Редактор:
Тюрина О.А.

Ответственный секретарь:
Сергиенко И.Н.

Перевод аннотаций
на английский язык:
Балканов И.В.

Верстка:
Антонова О.В.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
www.vestnik-vp.ru

Подписано в печать
03.02.2017
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО

Никитин А.П.

Роль военной прокуратуры в защите прав военнослужащих:
современное состояние вопроса7

ЗА ПРАВА РОССИИ: ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

Жудро И.С.

Об учете интересов национальной безопасности Российской Федерации
в вопросе разграничения арктического шельфа13

ПАМЯТИ ВОЕННОГО УЧЕНОГО

Загорский Г.И., Мигачёв Ю.И., Корякин В.М., Тихомиров С.В.

Прерванный полет (патриарху отечественной военно-правовой науки
Николаю Владимировичу Артамонову посвящается)21

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Паршаков А.С., Лагашкина Ю.В.

О некоторых направлениях совершенствования нормативной правовой базы,
регламентирующей деятельность научно-исследовательских организаций
Министерства обороны Российской Федерации31

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

Тимошенкова А.А.

Эволюция правового регулирования применения вооруженных сил
для выполнения союзнических обязательств в доктрине и практике
России и зарубежных государств с древнейших времен
до середины XIX века39

ОБОРОНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Дамаскин О.В.

Положение и общественное мнение военнослужащих в условиях
смены общественно-экономической формации в 1991-1993 годах45

Кардаш И.Л.

Нормативные основы участия войск национальной гвардии
Российской Федерации в территориальной обороне
и контртеррористической операции54

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

Слободанюк И.А.
Особенности производства дознания в сокращенной форме60

Шагапсоев К.З.
Актуальные вопросы применения видеоконференц-связи по проверке
доказательственной информации в районах вооруженного конфликта66

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Старцун В.Н., Балканов И.В.
Россия, гуманитарная интервенция и обязательство защищать:
Сирия (обзор статьи Д. Аверре и Л. Дэвиса)73

Военная интервенция против ИГИЛ в Ираке, Сирии и Ливии и правовая основа
интервенции по согласию (обзор статьи К. Баннелиер-Кристакис)75

Правомерность ударов БПЛА в вооруженных конфликтах
(обзор статьи К. Мартина)77

Правовые и этические последствия применения БПЛА
в вооруженных конфликтах (обзор статьи М. Бойла)80

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Белый И.Ю.
О создании специального международного уголовного трибунала
по преступлениям в Сирии83

Дерешко Б.Ю.
О законности использования подразделений специального назначения
Федеральной службы войск национальной гвардии для борьбы с терроризмом
и экстремизмом за пределами территории Российской Федерации85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ОБСУЖДЕНИЯ И ДИСКУССИИ

Круглый стол
«Актуальные проблемы правового регулирования
финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах
Российской Федерации»87

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления, представления и публикации статей95

CONTENTS

RELEVANT ISSUES

Nikitin A.P.

Role of the Military Prosecutor's Office in the Protection of the Rights of Servicemen:
Current State of the Issue7

FOR THE RIGHTS OF RUSSIA: PRINCIPLED GROUND

Zhudro I.S.

On Account of the Interests of National Security of the Russian Federation
in the Delineation of the Arctic Shelf13

IN MEMORIAM OF A MILITARY SCIENTIST

Zagorski G.I., Migachev Yu.I., Koryakin V.M., Tikhomirov S.V.

Interrupted Flight (in Memoriam of the Patriarch of the National Military Law
Science Nikolai Vladimirovich Artamonov)21

RESEARCH AND DEVELOPMENT

Parshakov A.S., Lagashkina Yu.V.

On Some Directions to Improve the Normative Legal Basis to Regulate the Activities
of Research Organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation31

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

Timoshenkova A.A.

Evolution of the Legal Regulation of the Implementation of the Armed Forces
to Fulfil Allied Commitments in the Doctrine and Practice of Russia and Abroad
from the Ancient until the mid-XIX Century39

DEFENSE AND SECURITY

Damaskin O.V.

Position and Public Opinion of Servicemen under Changing Socio-Economic
Structure in 1991-199345

Kardash I.L.

Regulatory Basis for the National Guard Troops of the Russian Federation
to Participate in the Territorial Defense and Counter-Terrorist Operations54

LAW AND ORDER

<i>Slobodanyuk I.A.</i> Features of Brief Inquiry	60
<i>Shkhagapsoev K.Z.</i> Topical Issues of the Application of Video Conferencing for the Verification of Evidence in the Areas of Armed Conflict	66

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW

<i>Startsun V.N., Balkanov I.V.</i> Russia, Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: the Case of Syria (review of an article by D. Averre and L. Davies)	73
Military Interventions Against ISIL in Iraq, Syria and Libya and the Legal Basis of Consent (review of an article by K. Bannelier-Christakis)	75
Legality of Drone Strikes in Armed Conflict (review of an article by C. Martin)	77
Legal and Ethical Implications of Drone Warfare (review of an article by M. Boyle)	80

EXPERT OPINION

<i>Belyi I.Yu.</i> On the Establishment of the Special International Criminal Tribunal for Crimes in Syria	83
<i>Dereshko B.Yu.</i> On the Legality of the Use of Special Operations Units of the Federal National Guard Troops Service of the Russian Federation to Fight against Terrorists and Extremists Abroad	85

ACADEMIC LIFE: DISCUSSIONS

<i>Panel Discussion</i> Current Problems of the Legal Regulation of the Financial and Economic Activity of the Armed Forces of the Russian Federation	87
---	----

INFORMATION

Submission Rules and Guidelines	95
---------------------------------------	----

УДК 342.7

РОЛЬ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

А.П. НИКИТИН,

кандидат юридических наук, генерал-лейтенант юстиции, начальник управления надзора (за исполнением законов органами военного управления, воинскими частями и учреждениями) Главной военной прокуратуры – старший помощник Главного военного прокурора
E-mail: gvp@gvp.rsnet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы исполнения законодательства в сфере обеспечения социальных прав и гарантий военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, анализируются причины совершаемых правонарушений, предлагаются возможные пути решения проблем.

Ключевые слова: закон; правовая защита; социальные гарантии; военнослужащие; военная прокуратура

Защита конституционных прав и свобод человека от противоправного действия или бездействия должностных лиц органов государственной власти – задача политической и социальной важности.

Статья 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) определяет Российскую Федерацию как социальное государство, стремящееся обеспечить достойные условия жизни и свободного развития человека.

Социальное государство как сложный собирательный феномен является предметом активного внимания различных сфер научного познания. Данное понятие берет свое начало в работах Гегеля и других немецких философов, которые в ходе изучения проблем классовой борьбы задались вопросом о месте и роли государства в справедливом распределении доходов между трудом и капиталом, об установлении социальной солидарности, о заботе богатых и работающих о небогатых и неработающих.

При подготовке Веймарской конституции немецкие законодатели взяли за основу социальный принцип организации государства: политика правительства должна быть направлена на предоставление человеку достойного уровня жизни и удовлетворение основных жизненных потребностей всех слоев и классов.

Данный подход стал основополагающим при создании социального государства в Российской Федерации: согласно Конституции, действия органов государственной власти должны быть направлены на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие индивида путем создания возможностей для его самореализации в условиях социальной защищенности.

Соблюдение закрепленных в Конституции принципов социального государства достигается за счет эффективной

работы органов государственной власти, в том числе путем реализации их правозащитной функции, что является в настоящее время приоритетным направлением работы органов прокуратуры, в том числе военной.

Перед военными прокурорами стоят обширные задачи: от создания безопасных условий прохождения военной службы (например, в ходе пресечения и расследования фактов неуставных взаимоотношений) до защиты социальных прав и гарантий военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, в частности при реализации данными категориями граждан своего законного права на предоставление жилья и оказание медицинской помощи. Мы считаем неукоснительное соблюдение законодательства в области обеспечения социальных гарантий военнослужащих одним из ключевых направлений работы по повышению боеготовности Вооруженных Сил и престижа военной службы.

Социальная защита военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, – сложное полиструктурное явление, в котором сочетаются социальный, политический, экономический и правовой аспекты [6]. Однозначность и узость при оценке этого явления грозит конфликтами и нарушениями интересов участников правовых отношений.

Актуальность проблемы обеспечения социальных прав военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей обусловлена целым рядом фактов.

Так, в 2010–2015 гг. в органы военной прокуратуры по данному поводу ежегодно поступало от 46 до 53 тысяч обращений граждан. И если в 2014 г. наблюдалось некоторое снижение числа подобных обращений, то в 2015 г. их количество возросло на 8,7%. Данные цифры были озвучены в Москве на коллегии Главной военной прокуратуры.

Значимость названной проблемы определяется и социально-правовым статусом рассматриваемой категории граждан, а также изменениями в системе предоставления им льгот и социальных гарантий, в том числе в связи с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. №123-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов

Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [1]. Указанный закон заменяет натуральные льготы на денежные выплаты, что детерминирует социально-финансовые правоотношения в условиях рыночной экономики и требует в связи с этим выработки новых правовых механизмов социальной защиты.

Не менее важно принять во внимание возрастание штатной численности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, что впоследствии неизбежно приведет к увеличению числа граждан, имеющих право на льготы, предусмотренные для лиц, уволенных с военной службы.

В 2008 г. разработана и утверждена «Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года», которая определяет целевые установки и приоритеты в деятельности Министерства обороны Российской Федерации, других федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального развития Вооруженных Сил. В данной Стратегии указано, что сохранение негативных тенденций в социальной сфере Вооруженных Сил в среднесрочной перспективе повлечет за собой массовые увольнения до истечения срока службы (контракта) [5]. Предотвратить такую ситуацию возможно путем реализации государственных мер социальной поддержки военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В этой связи деятельность органов военной прокуратуры должна быть направлена на обеспечение правовой защиты указанных категорий граждан и предотвращение противоправных деяний в социальной сфере.

В отношении реализации прав лиц, уволенных с военной службой, мы отмечаем недостаточное внутреннее единство Федерального закона «О статусе военнослужащих» и Федерального закона «О ветеранах» – указанные нормативные

правовые акты не образуют целостной системы и противоречат друг другу [4].

При этом социальная защита военнослужащих и членов их семей остается одним из основных направлений работы органов военного управления при формировании новой структуры и облика Вооруженных Сил Российской Федерации. Проводимые преобразования реализуются в контексте решения национальной задачи по реформированию социальной сферы. В данном процессе органы прокуратуры, в том числе военной, должны усилить контроль за соблюдением законности в социальной сфере, обеспечить реализацию основных прав и свобод граждан.

Оптимизация и реструктуризация в системе органов государственной власти привели к сокращению общей численности Вооруженных Сил Российской Федерации, что увеличило нагрузку на социальную сферу. В этом контексте социальная защита лиц, уволенных с военной службы, в том числе путем профилактики и эффективного расследования совершаемых правонарушений, и их социальная адаптация являются важными инструментами в формировании нового облика Вооруженных Сил и популяризации военной службы.

В ежегодном Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин заявил об универсальности принципов справедливости, уважения и доверия и необходимости их отстаивания как на международной арене, так и внутри страны – в отношении каждого человека и всего общества [3].

Эти же принципы лежат в основе деятельности военных прокуроров. С учетом важности обозначенной проблемы, прокуратура ведет активную работу по защите законных прав военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод указанных категорий граждан в воинских частях и учреждениях. В 2016 г. военные прокуроры выявили более 350 тысяч различных нарушений закона. Чтобы их устранить, в адрес правомочного командования и органов военного управления было направлено свыше 55 тысяч различных документов прокурорского реагирования.

Результаты надзорных мероприятий в сфере соблюдения прав военнослужащих и членов их семей говорят о том, что проблемы социальной защиты в полной мере не решены, что требует принятия дополнительных мер по повышению качества работы органов военного управления.

Только в первом полугодии 2016 г. более 16 тысяч человек обратились в суды за защитой своих прав. В 27,6% случаев их требования признаны обоснованными, а 1 800 незаконных правовых актов – отменены по протестам, заявленным военными прокурорами, что свидетельствует о высокой эффективности их работы.

Сегодня в Вооруженных Силах Российской Федерации сохраняются факты травматизма по причине невыполнения правил техники безопасности при производстве различных работ, эксплуатации систем вооружения и военной техники. Не искоренены случаи массовой заболеваемости военнослужащих. Во многом такие вспышки вызваны ненадлежащими условиями размещения личного состава в местах дислокации, несвоевременным проведением профилактических мероприятий, недостаточным медицинским и санитарным контролем за жизнедеятельностью и бытом войск. Так, из-за нарушения требований к размещению личного состава в казарменных помещениях в одной из бригад морской пехоты в зимний период с вирусными инфекциями были госпитализированы более тысячи военнослужащих.

В связи с этим необходимы дополнительные меры, которые обеспечат безопасные условия прохождения военной службы, сохранят жизнь и здоровье военнослужащих, снизят травматизм и исключат гибель людей. Руководящий состав должен своевременно оформлять и направлять документы в страховые компании для выплат страховых сумм и единовременных пособий пострадавшим. В воинских частях необходимо регулярно проводить проверки исполнения законодательства о материально-бытовом и медицинском обеспечении военнослужащих.

Конституция и федеральные законы Российской Федерации гарантируют всем гражданам страны не только право на труд, но и на его достойную оплату. Невысокое число обращений в органы

военной прокуратуры по вопросу невыплаты или несвоевременной выплаты денежного довольствия позволяет говорить о том, что денежное довольствие военнослужащим выплачивается своевременно, а единичные нарушения оперативно расследуются. Например, на одном из подведомственных Министерству обороны Российской Федерации предприятиях в Санкт-Петербурге в связи с окончанием срока трудового договора были уволены около 2 000 сотрудников. Руководство не выплатило работникам всех причитающихся денежных средств. Задолженность составила 49 млн рублей. В адрес руководства предприятия вынесли представление об устранении нарушений закона. В результате принятых мер задолженность по заработной плате погашена полностью.

Задержка зарплат и частичная их выплата негативно сказываются на морально-психологическом состоянии личного состава. Недопущение подобных ситуаций возможно при более тесном взаимодействии органов военного управления в процессе подготовки проектов приказов о внесении необходимых изменений.

Одна из приоритетных задач, поставленная руководством страны, – полное обеспечение военнослужащих жильем. Стоит отметить, что за последние 5 лет количество военнослужащих, нуждающихся в жилье, значительно сократилось. Однако за 2016 г. было зарегистрировано более 10 тысяч случаев нарушения жилищного законодательства. По результатам прокурорских проверок к дисциплинарной и административной ответственности привлечены порядка 700 должностных лиц, восстановлены жилищные права более 60 тысяч военнослужащих и членов их семей. Так, в Тверской области раскрыта деятельность преступной группы, которая получала материальную выгоду за счет судебных решений по незаконной приватизации жилья лицами, не имеющими на это права. В результате слаженной работы органов военной прокуратуры по указанному факту возбуждено и расследуется уголовное дело.

Для недопущения подобных ситуаций предлагается проводить проверочные мероприятия в целях контроля исполнения органами государственной власти, военного управления и местного

самоуправления законодательства об обеспечении жильем военнослужащих, лиц уволенных с военной службы, и членов их семей. Командованию воинских частей и ведомственным жилищным органам необходимо неукоснительно соблюдать права очередников, при этом исключить факты неправомерного удержания жилых помещений специализированного фонда лицами, которые имеют постоянное жилье, либо гражданами, потерявшими связь с военным ведомством.

Актуальной остается и проблема оказания жилищно-коммунальных услуг надлежащего качества. Так, в Хабаровском крае длительное время не проводилось техническое и санитарное обслуживание домов и прилегающей к ним территории одного из военных городков, что привело к износу канализационно-насосной станции и последующему разливу сточных и канализационных вод.

Изученный опыт показывает, что в целях обеспечения военнослужащих услугами ЖКХ надлежащего качества в военных городках необходимо контролировать содержание объектов инфраструктуры, а также проводить своевременный и качественный ремонт закрепленного жилищного фонда. Особого внимания в этой сфере заслуживает контроль подготовки к зиме, проведения отопительного сезона, что позволит избежать срывов в работе теплогенерирующего оборудования и котельных и обеспечит бесперебойное теплоснабжение жилых помещений и, прежде всего, казарменного фонда.

На особом счету находятся люди, которые уже выполнили свой воинский долг. Сегодня в правовой защите государства нуждаются более 1,5 миллиона военных пенсионеров, свыше 150 тысяч участников боевых действий, почти 25 тысяч ветеранов подразделений особого риска и участников ликвидации последствий радиационных аварий, более 90 тысяч человек из числа членов семей, получающих пенсию по случаю потери кормильца. Права данной категории граждан также нарушаются: имеются факты несвоевременного расчета пенсии, неправильного исчисления ее размера, непредоставление социальных льгот и гарантий. Так, в одном из комиссариатов Санкт-Петербурга по вине должностных лиц вдовы ветерана Великой Отечественной войны

получали пенсии по случаю потери кормильца без учета предусмотренных законом надбавок. После вмешательства военных прокуроров их права были восстановлены в полном объеме.

Для предупреждения подобных ситуаций в будущем полагаем необходимым проводить прокурорские проверки работы военных комиссариатов и других органов государственной власти по вопросу исполнения законодательства о пенсионном обеспечении с целью защиты пенсионных и иных прав лиц, уволенных с военной службы, участников боевых действий, инвалидов и ветеранов войны и членов их семей.

Одной из мер поддержки военных пенсионеров стал законопроект о единовременной дополнительной выплате в начале 2017 г., подготовленный по поручению Президента Российской Федерации. В будущем Российская Федерация, как социальное государство, планирует предпринять все необходимые меры для того, чтобы приблизить размер военных пенсий к стандартам Международной организации труда.

Таким образом, результаты проведенного научно-практического исследования статистических данных позволило сделать вывод о том, что решение проблем социальной защиты военнослужащих требует создания системы интероперабельности различных органов государственной власти, в том числе органов военной прокуратуры, действия которых будут направлены на предоставление военнослужащим надлежащего материально-бытового, медицинского и иных форм социального обеспечения. Должностным лицам следует обратить особое внимание на полноту и достоверность учета служебного жилищного фонда, своевременное предоставление страховых и единовременных выплат, пресечение фактов незаконного привлечения военнослужащих к выполнению работ, не предусмотренных обязанностями военной службы.

В целях дальнейшего анализа существующих проблем необходимо провести исследование, обобщающее практику уголовного и административного делопроизводства по различным противоправным деяниям.

Для решения проблем, обозначенных в статье, следует активно продолжать

научно обоснованный поиск рациональных и эффективных средства правового, административного и прокурорского воздействия на ситуацию на местах, что позволит улучшить состояние законности в области социальной защиты военнослужащих. Данные задачи могут быть решены только в тесном взаимодействии командования, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Несмотря на то, что многие названные в статье проблемы еще нуждаются в решении, а исполнение законов в части соблюдения основополагающих прав военнослужащих требует особого контроля, можно говорить о том, что в Вооруженных Силах Российской Федерации проводится масштабная и планомерная работа по решению поставленных задач, идет процесс совершенствования нормативно-правового регулирования социальной защиты военнослужащих, выполняются государственные обязательства по обеспечению жильем. В результате системной работы органов государственной власти, в том числе органов военной прокуратуры, были приняты меры экономической, правовой и социальной поддержки военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В результате работы по предупреждению правонарушений за последние десять лет более чем вдвое сократилось количество правонарушений и в четыре раза – преступлений в военной сфере. Важно и впредь наращивать усилия в этом направлении. Дальнейшая системная разработка названных проблем, в том числе в рамках военно-правовой науки, и реализация оперативных мер по защите и восстановлению прав военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей позволят повысить обороноспособность государства и поднять престиж военной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации

законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федер. закон от 22 авг. 2004 г. №123-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – №35. – Ст. 3607.

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ ст. 93, п. 2. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>.

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>.

4. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации программы «Государственные жилищные сертификаты» на 2004–2010 годы, входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 5 апр. 2007 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – №15. – Ст. 1820.

5. Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года // Красная звезда. – 2008. – 18 апр.

6. Порошук С.Д. Социально-правовая защита как составная часть правового статуса личности // Российское законодательство: реферативный сб. – М., 1993. – С. 34–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Александр Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-лейтенант юстиции, начальник управления надзора (за исполнением законов органами военного управления, воинскими частями и учреждениями) Главной военной прокуратуры – старший помощник Главного военного прокурора.

119160, Москва, пер. Хользунова, д. 14
E-mail: gvp@gvp.rsnet.ru

Relevant Issues

ROLE OF THE MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE IN THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF SERVICEMEN: CURRENT STATE OF THE ISSUE

Aleksandr P. NIKITIN

Abstract. This article discusses current problems of the implementation of the legislation in the sphere of social rights and guarantees of the servicemen, persons discharged from the military service and their families, analyzes causes of the offenses and proposes possible solutions.

Keywords: law; legal protection; social guarantees; military personnel; military prosecutor

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikitin Aleksandr Pavlovich, Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Lieutenant-General of Justice, Head of the Department of Supervision (Compliance with the Law by the Military Administrative Bodies, Military Units and Institutions) of the Main Military Prosecutor's Office – Senior Assistant to the Chief Military Prosecutor.

14 Holzunov Side Street, Moscow, 119160, Russian Federation

УДК 341

ОБ УЧЕТЕ ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВОПРОСЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА

И.С. ЖУДРО,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник
Департамента Управления Президента Российской Федерации по внешней политике
E-mail: joudreaux@gmail.com

Администрация Президента Российской Федерации

Аннотация. В ряде отечественных публикаций отрицается значение полярного сектора в процессе разграничения арктического шельфа как единственного правового механизма, позволяющего Российской Федерации осуществить такое разграничение, рассматриваются процедуры Комиссии по границам континентального шельфа, предусмотренные статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Согласно представленной в статье аргументированной позиции подобно толкование роли Комиссии и значения осуществляемых ею процедур допускает для Российской Федерации риск необоснованных пространственных уступок в ущерб интересам обороны и безопасности.

Ключевые слова: Северный Ледовитый океан; континентальный шельф; полярный сектор; район «общего наследия че-

ловечества»; делимитация; делинеация; Комиссия по границам континентального шельфа

Как известно, на рассмотрении Комиссии по границам континентального шельфа (г. Нью-Йорк)¹ (далее также – Комиссия) находятся представления (submissions) Дании и России с притязаниями на взаимно пересекающиеся участки дна Северного Ледовитого океана². Российская сторона проинформировала Комиссию о своем согласии с рассмотрением датского представления. Весьма вероятно, что планируемое Канадой собственное представление в Комиссию будет содержать притязания на тот же район морского дна³. В арктическом регионе складывается спорная ситуация с разграничением континентального шельфа Северного Ледовитого

¹ Технический орган, созданный в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Состоит из 21 специалиста «в области геологии, геофизики или гидрографии». См. ст. 2 приложения II к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Комиссия по границам континентального шельфа» // Бюл. междунар. договоров. 1998. № 1. С. 3–168.

² URL: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=141707> (дата обращения: 27.10.2015); Partial Submission of the Government of the Kingdom of Denmark together with the Government of Greenland to the Commission on the Limits of the Continental Shelf (The Northern Continental Shelf of Greenland) [Electronic resource]. URL: http://um.dk/en/~media/UM/Danish-site/Documents/Udenrigspolitik/Nyheder_udenrigspolitik... (дата обращения: 18.12.2016).

³ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Partial Submission by Canada [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_can_70_2013.htm (дата обращения: 17.12.2016).

океана (между Россией, Данией и Канадой). Суверенные права в отношении ресурсов морского дна предполагают необходимость обеспечения их беспрепятственной реализации в расположенных над ним водном и воздушном пространствах. По выражению профессора Ю.Г. Барсегова, «сама реализация прав на ресурсы дна тесно связана с деятельностью в покрывающей толще воды, и, наоборот, деятельность по разведке и разработке живых ресурсов и прочая экономическая деятельность по использованию воды, течений и ветра нередко нуждается в опоре на морское дно в пределах зоны» [1, с. 183].

Для Российской Федерации, имеющей самое протяженное побережье в Северном Ледовитом океане, в вопросе разграничения (делимитации) континентального шельфа важным представляется фактор военной безопасности. Площадь района континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, на который Российская Федерация вправе распространить свои суверенные права в результате делимитации, во многом определяет ее военные и экономические возможности.

Соображениями, прежде всего, обороны и безопасности государства были продиктованы действия СССР в 1926 г., направленные на распространение своего суверенитета в отношении земель и островов в Северном Ледовитом океане в пределах полярного сектора⁴.

Границы установленного таким образом полярного сектора представляют собой, по выражению видного советского юриста-международника С.В. Молодцова, «общезвестное и исторически сложившееся правовое положение, вытекающее из факта общепризнанного существования полярных владений СССР и их границ» [4].

Первые шаги молодого советского государства по закреплению своих позиций на Крайнем Севере позволяют сегодня Российской Федерации в границах обозначенного полярного сектора полноценно осуществлять функции обороны и безопасности с помощью совре-

менных систем ПВО, силами ВМФ и ВКС. В 2013 г. в границах полярного сектора, в Печорском море, в собственной исключительной экономической зоне, Российской Федерации силовыми методами пришлось обеспечивать безопасность платформы «Приразломная», подвергшейся нападению активистов «Гринпис». В декабре 2014 г. на базе Северного флота было создано объединенное стратегическое командование – за Полярным кругом сформированы группировки войск на Новой Земле, Новосибирских островах, острове Врангеля, а также на мысе Шмидта.

В настоящее время площадь района континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, в отношении которого Российская Федерация представила в Комиссию по границам континентального шельфа геологическое и геоморфологическое обоснование, значительно меньше площади полярного сектора, определенного упомянутым постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 г., что выглядит как пространственная уступка⁵.

Между тем целый ряд отечественных публикаций, касающихся этой проблемы, убеждает в том, что речь не идет о какой-либо уступке, более того, Российская Федерация, действуя в рамках международного права через процедуры Комиссии, расширяет площадь своего арктического шельфа до максимально возможного, а с присоединением к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. для Российской Федерации единственным правовым средством установления границ арктического шельфа стали процедуры Комиссии по границам континентального шельфа, создание которой предусмотрено статьей 76 Конвенции 1982 года⁶.

В статье Р.А.Колодкина и С.М.Пунжина содержится следующий вывод: «Установление внешних границ континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно исключительно через процедуру, установленную в статье 76 Конвенции ООН по морскому праву, которая предполагает, что наличие

⁴ Имеется в виду постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане».

⁵ URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) // Бюл. междунар. договоров. 1998. № 1. С. 3–168.

рекомендаций Комиссии представляет собой обязательное условие, только при соблюдении которого границы становятся юридически действительными» [3, с. 56–70].

Что же касается такого понятия, как полярный сектор России, оно, по утверждениям в одной из публикаций, вообще не применимо к правоотношениям по разграничению арктического шельфа [5].

Действительно, принятие Конвенции 1982 г. ознаменовало собой возникновение новых институтов в международном морском праве. По словам профессора Ю.Г. Барсегова, «если раньше (до принятия Конвенции 1982 г.) морское дно за внешней границей шельфа входило в сферу действия режима открытого моря, то теперь уже возникла необходимость разграничения шельфа прибрежного государства с международным районом морского дна, который был объявлен “общим наследием человечества”. Раньше вопрос о природе права на шельф возникал в основном в связи со спорами о делимитации шельфов между государствами со смежными и противлежащими побережьями... Но тогда вопрос не выходил за рамки отношений между государствами, непосредственно затронутыми такими спорами. Теперь же, в связи с возникающей необходимостью внесения ясности в вопрос о внешнем пределе шельфа, он обрел всеобщий характер, его решение затрагивало уже все государства» [1, с. 169–170].

Комиссия – сугубо технический орган, возможности которого задействованы, когда государство – участник Конвенции 1982 г. намерено установить внешние границы своего континентального шельфа (так как континентальный шельф прибрежного государства не может простирается безгранично), т. е. осуществить его отграничение или делинеацию (*delineation*) от международного района морского дна, ресурсам которого Конвенцией присвоен статус «общего наследия человечества». Таким образом, полномочия Комиссии определены ст. 76 Конвенции 1982 г. по субъектному составу правоотношений: с одной стороны, государство – участник Конвенции 1982 г.,

с другой – мировое сообщество, от лица которого действует Комиссия, а также по содержанию регулируемых отношений – естественнонаучными геологическими и геоморфологическими критериями установления подводных границ (формулы и ограничители, оперирующие такими категориями как толщина осадочных пород, изобаты, хребты, возвышенности, плато, поднятия, банки, отроги и пр.). Рекомендации Комиссии – результат коллегиальной работы ее членов – экспертов-геологов и геоморфологов – служат основанием для установления прибрежным государством внешних границ между собственным континентальным шельфом и международным районом морского дна. «Сделанные ею (Комиссией) выводы остаются в основном в рамках естественнонаучных категорий и применимы только для данного случая», – подчеркивается в указанной статье Р.А.Колодкина и С.М.Пунжина [3].

Несмотря на то, что Комиссия осуществляет сугубо технические функции, в упомянутой публикации последняя наделяется правовыми надгосударственными функциями (толкования и применения правовых норм о делимитации, установления фактов, имеющих правовые последствия), не только сопоставимыми с полномочиями международного судебного органа, но и превосходящими их. В частности, утверждается, что при реализации этих своих «правовых» функций Комиссия может основываться на вполне определенных положениях изданных ею же документов: «для обеспечения своей работы Комиссия приняла несколько важных документов, регламентирующих действия не только ее самой, но и государств – участников Конвенции 1982 г. Эти документы среди прочего толкуют и развивают положения ст. 76 и приложения II к Конвенции» [3]. Речь идет о таких актах, регламентирующих деятельность Комиссии, как научно-техническое Руководство и Правила процедуры⁷. Очевидно, что ссылки на подобные документы, не являющиеся международно-правовыми актами, в данном случае могут быть объяснены отсутствием надлежащего обоснования,

⁷ Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/309/25/PDF/N0830925.pdf?OpenElement>.

ведь ст. 76 Конвенции не наделяет Комиссию присваиваемыми ею функциями – устанавливать факт «физического» существования континентального шельфа, проверять его принадлежность государству, подтверждать право государства на установление границ, рекомендовать методы их проведения. Более того, нормы Конвенции 1982 г. никак не увязывают делимитацию континентального шельфа с необходимостью обращения в Комиссию; конвенционная норма о процедурах Комиссии (п. 10 ст. 76) специально оговаривает, что они не затрагивают вопроса о делимитации континентального шельфа между соседними государствами, тем самым достаточно четко и недвусмысленно разделяя процесс делинеации – отграничения континентального шельфа по ст. 76 и процесс его делимитации с соседним государством по ст. 83.

В отсутствие какого-либо международно-правового обоснования придание Комиссии правовых функций строится на внедрении не предусмотренных Конвенцией 1982 г. терминов «расширенный» (т. е. находящийся за 200-мильным пределом) и «юридический» или «обычный» континентальный шельф (в пределах 200 миль). Концепция «расширенного» или, как его еще называют, «внешнего» континентального шельфа, по логике его изобретателей, подразумевает предоставление Комиссией прибрежному государству – участнику Конвенции 1982 г. возможности изменить пространственные параметры своего континентального шельфа за счет переноса его внешних границ за 200-мильный предел в сторону международного района морского дна, увеличивая или «расширяя» тем самым площадь шельфа и, соответственно, сокращая площадь района «общего наследия человечества».

Внедрение нового неконвенционного термина «расширенный континентальный шельф» влечет за собой «корректировку» теоретических основ самого понятия «континентальный шельф прибрежного государства» – природу прав прибрежного государства на континентальный шельф, существующих *ipso facto* и

ab initio «в силу факта и изначально», в основе которых – суверенитет над сухопутной территорией, к которой он прилегает, и независимость этих прав «от эффективной или фиктивной оккупации шельфа или от прямого об этом заявления». При этом приходится каким-то образом увязывать подобную правовую неоднородность континентального шельфа («юридический» и «расширенный», «обычный» и «внешний») с его геологической непрерывностью и единством правовой природы, отраженными в известном решении Международного Суда ООН 1969 г. (имеется в виду сформулированное правило о том, что континентальный шельф составляет естественное продолжение сухопутной территории прибрежного государства в море и под ним)⁸.

Некоторая ущербность подобного обоснования правовых функций Комиссии и неизбежно возникающие при этом противоречия в понятийном аппарате преодолеваются следующим образом: заведомо смешиваются понятия «делинеация» (*delineation*), т. е. установление внешних границ шельфа с международным районом морского дна – «общим наследием человечества», и делимитация (*delimitation*) шельфа с соседними государствами. В данном случае допускается ситуация, когда в процессе делимитации «расширенного» шельфа в случае спора (в районе взаимно перекрывающихся притязаний) линия делимитации (*delimitation*) совпадает с линией делинеации, т. е. с внешней границей континентального шельфа каждого из участвующих в споре государств. Одновременно ставится вопрос о соотношении полномочий Комиссии по делинеации (по ст. 76), с одной стороны, и права государства на делимитацию шельфа (по ст. 83) с соседним государством за 200-мильным пределом, самостоятельно либо через суд или арбитраж, – с другой. В данном случае этот вопрос формулируется так: вправе ли государство по взаимной договоренности либо через суд разграничивать «расширенный» континентальный шельф, без учета рекомендаций Комиссии?

⁸ I.C.J. Reports 1969, International Court of Justice Reports of judgments, Advisory Opinions and Orders, North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany – Denmark; Federal Republic of Germany – Netherlands). Judgment of 20 February 1969. P. 22. Цит. по: Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М.: Юрид. лит., 2004. С. 96.

В ходе дальнейших рассуждений процедурам Комиссии (проверка принадлежности прибрежному государству континентального шельфа, анализ методов установления его внешних границ и рекомендации по их прохождению) отводится вполне определенное место в процессе разграничения (delimitation) – они представляются в качестве неотъемлемой части самого процесса делимитации, не только не вступающей в противоречие с ним, но и способной внести коррективы в окончательное решение.

В частности, в качестве оптимального способа реализации прибрежными государствами своего права на осуществление разграничения шельфа через процедуры Комиссии рассматривается возможность предварительной, до обращения сторон в Комиссию, договоренности между государствами о линии разграничения, предполагающей окончательное урегулирование вопроса после получения рекомендаций Комиссии. Допускается, что в подобном предварительном виде делимитация шельфа не затрагивает полномочий Комиссии и «обязательств государств» по ст. 76 Конвенции, позволяя передавать на рассмотрение Комиссии даже заведомо спорные вопросы.

В случае же, когда с линией разграничения, установленной по договоренности сторон, Комиссия не соглашается, неизбежна ее роль как единственного международного органа, способного осуществить окончательную делимитацию континентального шельфа. Таким образом, получение рекомендаций Комиссии представляет собой условие, при соблюдении которого границы шельфа становятся юридически обязательными.

Что касается спорных ситуаций, «когда район морского дна, на который как на собственный внешний континентальный шельф претендует... государство, является одновременно объектом притязаний другого государства и, соответственно, объектом спора, подлежащим делимитации» [3], то в этих случаях функции Комиссии разносятся по времени – сначала Комиссия высказывается о праве государства на установление границ внешнего континентального шельфа за пределами 200 миль, а затем о методе установления этих границ и о самих границах. Тем самым проводится мысль,

что Комиссия имеет вполне определенные полномочия и в сфере разрешения споров о делимитации континентального шельфа.

Более того, рекомендации Комиссии в вопросе делимитации морских пространств не просто приравниваются по своей силе к решениям международных судов и арбитражей, но ставится над ними: «разграничение международным судом или арбитражем континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно только в случае, когда это разграничение не будет наносить ущерба функциям Комиссии и игнорировать ее роль в определении его внешних пределов»; в этой связи органам по разрешению споров рекомендуется в решении по спорам о делимитации указывать, что такое разграничение носит предварительный характер, поскольку еще предстоит рассмотрение Комиссией представлений сторон в споре [3].

Логика приведенных рассуждений приводит к единственно возможному выводу о том, что взаимодополняемость и непротиворечивость деятельности Комиссии и органов по разрешению споров может обеспечить только следующая последовательность: сначала выносятся рекомендации Комиссии относительно самого существования расширенного шельфа государства в районе разграничения, а затем осуществляется его разграничение. Иными словами, «в соответствии со своей компетенцией Комиссия осуществляет проверку принадлежности, т. е. проверяет, имеет ли прибрежное государство право на установление границ континентального шельфа за пределами 200 миль; соответственно, государство должно доказать (Комиссии), что этот континентальный шельф принадлежит данному государству». Отсюда делается вывод, что Комиссия может отказать государству в праве на расширенный континентальный шельф и на установление его внешних границ.

Сделанный вывод тут же проецируется в отношении дна Северного Ледовитого океана: «опыт функционирования Комиссии за период после подачи первого представления Россией в декабре 2001 года подтверждает, что установление внешних границ континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно исключительно

через процедуру, установленную в статье 76 Конвенции по морскому праву. Односторонние или даже согласованные действия государств, которые этой процедуре не соответствуют, являются юридически недействительными».

Чем чревата реализация подобного толкования положений Конвенции 1982 г., касающихся полномочий Комиссии, для Российской Федерации?

Очевидно, что в возникшей спорной ситуации с разграничением арктического шельфа с участием России, Дании и, вероятно в скором будущем – Канады, роль Комиссии, рассматривающей конкурирующие представления прибрежных государств, не будет сводиться к установлению факта существования «расширенного» континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Комиссия, по сути, будет разрешать вопрос о принадлежности континентального шельфа определенному арктическому государству с использованием выводов о континентальной либо океанической природе элементов дна Северного Ледовитого океана – хребта Ломоносова и поднятия Менделеева. В основе этих выводов – гипотезы, сформулированные с применением спорных результатов проведенных морских исследований, позволяющие сторонам спора выдвигать свои претензии на участки шельфа. В случае с Данией эти претензии распространились по другую сторону Северного полюса – в полярном секторе государства с противоположным побережьем – России, вплоть до границ ее исключительной экономической зоны: российский «полярный сектор» стал объектом притязаний Дании; им не только ограничены собственные притязания России – он содержит значительное по своей площади изъятие в пользу международного морского дна – «общего наследия человечества». Вероятно, что в скором будущем «российский сектор» станет объектом и аналогичных канадских претензий.

Допускаемые расширенные «правовые» полномочия Комиссии позволяют ей, основываясь исключительно на собственных выводах о геологической природе

происхождения океанического дна, осуществить такую его делимитацию, которая, возможно, сократит до минимума, т. е. до 200-мильного предела площадь российского арктического шельфа. А Российской Федерации, заранее давшей Комиссии свое согласие на рассмотрение датских притязаний на шельф, прилегающий непосредственно к границе российской экономической зоны, ничего не останется, как согласиться с выводами Комиссии, даже не имея возможности оспорить их в суде или арбитраже.

Избежать подобного сценария позволит, очевидно, адекватное толкование конвенционных норм. На самом деле в соответствии со ст. 76 Конвенции 1982 г. итогом рассмотрения Комиссией представления заинтересованного прибрежного государства могут быть только рекомендации относительно внешней границы континентального шельфа, по линии которой, как уже выше упоминалось, осуществляется его отграничение или делинеация от международного района морского дна – «общего наследия человечества». Внешней всегда называется граница между шельфом прибрежного государства и международным районом морского дна – она ни при каких условиях не может совпасть с линией разграничения шельфа. В случае делимитации – разграничения континентального шельфа между соседними государствами с противоположными или прилегающими побережьями, как по договоренности, так и с помощью суда или арбитража, речь не идет о внешней границе шельфа и, следовательно, о процедурах Комиссии.

Пример с российско-норвежским разграничением пространств Северного Ледовитого океана в 2010 г. доказывает приверженность сторон нормам Конвенции 1982 г., но именно в том понимании, что делимитация по соглашению сторон и отграничение в рамках процедур Комиссии – представляют собой два самостоятельных процесса⁹.

Исполнение Норвегией процедур Комиссии по ст. 76 в 2008 г., равно как и обращение России в Комиссию в тех же целях в 2001 г. не затрагивало вопросов

⁹ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Бюл. междунар. договоров. 2011. № 12. С. 79–85.

делимитации континентального шельфа между нашими странами за 200-мильным пределом. Соответствующая же делимитация была осуществлена по Договору 2010 г. без какого-либо специального подтверждения Комиссией факта принадлежности России соответствующего участка континентального шельфа или права России на установление его внешней границы.

Следует так же учитывать: понятием «делимитация» определяется процесс реализации двумя или более государствами именно своего права. Под делинеацией же понимается обязательство государства, признавшего в отношении себя действие ст. 76 Конвенции 1982 г., и заключающееся в самоограничении континентального шельфа в пользу международного района морского дна – «общего наследия человечества».

Вполне естественно, что осуществление прибрежным государством своей обязанности самоограничить шельф в интересах мирового сообщества и соответствующая этой обязанности реализация мировым сообществом своего права на район «общего наследия человечества», не должны ущемлять прав отдельных государств, что нашло свое выражение в п. 10 ст. 76 Конвенции о том, что процедуры Комиссии не затрагивают вопроса делимитации континентального шельфа.

Природная уникальность (скованность льдами) Северного Ледовитого океана не позволяет приравнивать его к Тихому, Атлантическому или Индийскому океану; его географическая особенность – в полузамкнутости побережьями пяти арктических государств. Кроме того, одно из этих государств – США не является субъектом правоотношений, предполагающих образование международного района морского дна – «общего наследия человечества», а следовательно, и не допускает распространение в отношении себя компетенции Комиссии по установлению внешних границ континентального шельфа.

Таким образом, в Северном Ледовитом океане субъектами правоотношений по разграничению арктического шельфа

являются пять прибрежных государств, одно из которых – США не признало своего обязательства по самоограничению шельфа в пользу мирового сообщества. Соответственно, и у мирового сообщества не возникло права требовать исполнения от США этого обязательства по ст. 76. Может ли при таких условиях мировое сообщество, не требуя самоограничения арктического шельфа от США, требовать того же от остальных четырех государств, включая самое крупное из них – Россию, не ущемляя при этом права последних? Представляется, что нет, не может, учитывая, что предметом рассматриваемых правоотношений является один и тот же участок морского дна, окруженный побережьями всех пяти государств.

Следовательно, неприсоединение США к правоотношениям по установлению режима «общего наследия человечества» позволяет говорить об отсутствии у России в настоящее время обязательств по установлению внешних границ континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане. Попытка же ведомств или лиц, действующих от имени Российской Федерации, установить внешние границы шельфа по ст. 76, в условиях, когда соседнее государство – США не собирается этого делать, безусловно, означает уступку.

Что важно подчеркнуть: при определении границ арктического шельфа в рамках процедур Комиссии Российская Федерация не сможет рассчитывать на учет таких особых обстоятельств, характеризующих арктический район, как полярный сектор, имеющий принципиально важное значение для обеспечения ее обороны и безопасности. «Соображения обороны, конечно же, относимы к концепции континентального шельфа», – звучит в решении Международного Суда ООН [2].

В данном случае как уступку можно рассматривать проведение в представлении 2001 г. в Комиссию такой внешней границы российской арктического шельфа, которая изъяла из полярного сектора в пользу международного района значительный участок морского дна¹⁰,

¹⁰ Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.

в то время как другие арктические государства подобных уступок за счет своих полярных секторов не делали.

В итоге можно заключить, что приращение Комиссии правовых, надгосударственных функций в отношении переданного на ее рассмотрение вопроса определения границ арктического шельфа Российской Федерации, необоснованно ставит интересы ее обороны и безопасности в зависимость от весьма спорных геологических и геоморфологических критериев, исключает возможность учета такого особого обстоятельства, характеризующего район разграничения, как секторальное деление полярных владений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсегов Ю.Г. Мировой океан: право, политика, дипломатия. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 237 с.
2. Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 113.
3. Колодкин Р.А. Континентальный шельф за пределами 200 миль: определение внешних границ и делимитация / Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин // Междунар. правосудие. – 2015. – № 3. – Ч. 1.
4. Молодцов С.В. Правовой режим морских вод. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 215.
5. Титушкин В.Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике. Международное морское право: статьи памяти А.Л. Колодкина. – М.: Статут, 2014. – С. 240.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жудро Иван Сергеевич, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник Департамента Управления Президента Российской Федерации по внешней политике, Администрация Президента Российской Федерации.

103132, Москва, Старая площадь, д. 6
E-mail: joudreaux50@gmail.com

For the Rights of Russia: Principled Ground

ON ACCOUNT OF THE INTERESTS OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DELINEATION OF THE ARCTIC SHELF

Ivan S. ZHUDRO

Abstract. A number of domestic publications negate the value of the polar sector in the delimitation of the Arctic shelf as the only legal mechanism allowing the Russian Federation to carry out such delineation. The article discusses the procedures of the Commission on the Limits of the Continental Shelf under Article 76 of the UN Convention on the Law of the Sea of 1982. According to the reasoned position presented in the article such interpretation of the Commission's role and the importance of its procedures allows for the Russian Federation the risk of unjustified concessions in the break of national security interests.

Keywords: Arctic Ocean; continental shelf; polar sector; area of the common heritage of mankind; delimitation; delineation; Commission on the Limits of the Continental Shelf

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhudro Ivan Sergeevich, Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of the Office of the Russian President on Foreign Policy, Russian Presidential Administration.

6 Staraya Ploshchad', Moscow, 103132, Russian Federation

E-mail: joudreaux50@gmail.com

УДК 355/359-05

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Г.И. ЗАГОРСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
E-mail: 9976842@mail.ru

Ю.И. МИГАЧЁВ,

доктор юридических наук, профессор
E-mail: Anton_Migachev@rambler.ru

В.М. КОРЯКИН,

доктор юридических наук, доцент
E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

С.В. ТИХОМИРОВ,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: tsw62@mail.ru

Аннотация. Данный очерк посвящен памяти выдающегося ученого, патриарха отечественной военно-правовой науки Н.В. Артамонова.

Ключевые слова: военное право; правовой статус военнослужащих; права военнослужащих

*Николаю Владимировичу Артамонову
посвящается*

Двадцать лет назад не стало Николая Владимировича Артамонова...

Для кого-то он был другом, для кого-то коллегой, единомышленником. Для многих стал Учителем, настоящим, с большой буквы. Но есть и те, для кого эти имя и фамилия лишь безликие данные неизвестного, чужого человека. А ведь за ними стоит интереснейшая судьба и большой труд выдающегося Ученого, изменивший жизни многих людей.

ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО

«Братишка» – так звала я его. Он был старше меня без малого на пять лет. И когда в 1944 году погиб наш отец, мне было три года, а ему – восемь. Сам совсем еще малыш, он взял меня под свою опеку», – вспоминает Наталья Владимировна Русланова, в девичестве Артамонова.

Коля Артамонов родился в семье военного летчика Владимира Ивановича Артамонова, которому за проявленный героизм в боях под Халхин-Голом в 1939 году было присвоено звание Героя Советского Союза. Он погиб в авиакатастрофе

1932 г. Артамоновы Вера Семеновна и Владимир Иванович

1939 г. Отец с сыном

за год до Великой победы, возвращаясь с задания по инспектированию частей ДВФ с Дальнего Востока в Москву перед войной с Японией. Обнаружить место падения В-25-С удалось лишь спустя год в глухой тайге. Останки погибших летчиков были захоронены на Центральной площади г. Читы.

Потеря отца для восьмилетнего мальчика стала сильнейшим ударом. Она навсегда изменила и закалила его характер. В тяжёлое послевоенное время он остался единственным мужчиной в семье.

«Он придумывал игры, в которых мы участвовали бы вдвоем. Вместе мы шли на прогулку в наш большой двор, где мальчишки играли в войну. И для меня, единственной девочки, тоже находилось дело – я была медсестрой. Не помню случая, чтобы кто-нибудь пытался меня обидеть или прогнать из игры. Ведь рядом был мой старший брат».

Его матери, Вере Семеновне, было тридцать лет, когда она осталась без мужа с двумя детьми. Шла война, в стране были разруха, голод. Толпы беспризорных детей, раздетые и истощенные, бродяжничали, болели и погибали. В 1947 году Николая определили в суворовское училище, где обучались дети, потерявшие на войне родителей. Государство их одело и накормило, усадило за парты, вытащив с «улицы». Отрыв от семьи воспринимался юным Колей очень болезненно, но это формировало его личность, воспитывало мужские качества: силу, выносливость, желание защищать слабых. К своей матери он всегда относился с большой теплотой, сыновним почтением и любовью.

СЛУЖИЛИ ДВА СУВОРОВЦА

«Харьковское суворовское училище открыто в 1943 году. На территории, лишь недавно отбитой у врага. Поступившие в 1947 году были первыми ребятами, принятыми после переезда училища в г. Киев. Это два взвода, сорок человек, все – дети, потерявшие отцов. Из них дюжина была направлена военкоматами г. Москвы, где училища еще не было», – все это не понаслышке знал и рассказал Игорь Геннадьевич Клещевников, сокурсник и друг Николая Артамонова.

Суворовское училище разместилось в одном из лучших зданий Киева, спроектированного и построенного в 1915 году специально для военного учебного заведения – Алексеевского военно-инженерного училища. Это трехэтажное здание с колоннами стало на 7 лет домом для ребят. Оно примыкало к огромному саду, расположенному на холмистой местности, с одной стороны спускающейся вдали к Днепру, а с другой, простираясь почти до Печерской Лавры. Это романтическая атмосфера, подкрепленная занятиями верховой ездой, уроками фортепьяно и французского языка, бальных танцев от падекатра до мазурки, делала из угловатых мальчишек галантных «кадетов» элитного учебного заведения.

Но главной радостью для ребят была книга. Возможно, потому, что сбежать от бытовых тягот можно было лишь в мир вымышленных приключений, а возможно, потому, что их привлекали образы сильных, смелых мужчин, в чертах которых им виделись их собственные отцы.

1947 г.

«Мы тогда много читали, вместе обсуждали прочитанное. Запомнился рассказ “Честное слово” о маленьком мальчике. Ребята играли в войну, одного мальчика поставили охранять склад и “командир” приказал не покидать пост до его прихода. Строго спросил: “Не уйдешь?” Мальчик ответил: “Честное слово”. Игра давно кончилась, “командир” забыл про часового, а тот стоял голодный, замерзший, но слово свое держал. С поста его снял проходивший офицер, убедив, что имеет на это право. И объявил благодарность за службу. Вот Коля был тоже человек слова», – с теплотой вспоминает Игорь Геннадьевич.

Очень важным словом для тогда еще совсем юного паренька, Коли Артамонова, стало слово «Родина». Служить ей он считал не просто своим долгом, а делом жизни.

«Два лета 1948 и 1949-го мы провели на даче Панфилова по приглашению его вдовы Марии Ивановны и трех дочерей, – вспоминает младшая сестра Артамонова. – Однажды мы поставили сказку. Я была принцессой, брату досталась роль принца, который спас принцессу. А несколько лет спустя он уже спас меня по-настоящему. Это случилось на Украине, где мы отдыхали. Плавать я еще не умела. Поэтому мы плавали на лодке. Мы были на

середине реки, когда расшалившиеся озорники, перевернули нашу лодку. До берега я добралась, вися на руке плывущего брата. Тем же летом он научил меня плавать. А позднее он же, мой любимый “тренер”, научил меня кататься на лыжах, коньках, велосипеде, танцевать».

Да, Николай действительно все это умел. Учеба давалась ему легко. Он учился на 4 и 5, был на хорошем счету у преподавателей, так как ответственно относился к заданиям, ходил в секцию гимнастики, получал спортивные разряды. Но настоящее восхищение у окружающих вызывали не решенные задачки, а его необычные таланты.

«В КСВУ наши оба взвода учили французский язык. Изучая зарубежную литературу, он обнаружил, что много нужного материала публикуется на английском языке. В короткие сроки он овладевает и им», – с гордостью делится своими воспоминаниями Клещевников.

Так же легко Николай Артамонов овладел и другими интересными навыками.

«Он попросил принести какую-нибудь редкую книгу. Нашли рыцарский роман. Коля сел на лавку и стал молча пробежать глазами одну страницу за другой. Перелистав книжку, он сказал, что готов ответить на любой вопрос по этому тексту. Желающие брали книгу, открывали страницу наугад, прочитывали, потом задавали вопрос. Коля рассказывал, что предшествовало этому сюжету и что будет дальше, имена всех действующих лиц. То есть он реально овладел быстрым чтением. Наверняка, это очень помогло ему в будущем в работе».

Повзрослевшие рано суворовцы во многом все же оставались детьми. Они с нетерпением ждали каникул или, как правильно говорить, увольнительных. Мальчишки стремились к родным – побыть вдали от казарменного быта, в домашней обстановке и, что скрывать, поесть досыта.

Редких встреч с братом с нетерпением ждала и маленькая Наташа. Неразлучные раньше, теперь они могли встречаться только на каникулах.

«Он часто приезжал с кем-нибудь из сокурсников, с тем, кому просто некуда было ехать... Мама старалась достать билеты на елку или в театр, и я гордо шагала между двух суворовцев!».

1952 г. И. Клещевников и Н. Артамонов

Возвращение в училище после свободы и домашнего уюта давалась Николаю с большим трудом.

«Накануне отъезда настроение у брата портилось, и, к моему удивлению, он начал постоянно придирается ко мне. Однажды я не выдержала и спросила: “В чем дело?!” – “Разве ты не понимаешь? – сказал он в ответ. – Поссорившись, легче расставаться”».

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СОБЫТИЕ!

Киевское училище было образцовым. Ребятам удавалось несколько раз занимать первые места в соревнованиях суворовцев. Наградой было участие в парадах на Красной площади.

«Участие в Московском Параде, конечно, величайшее событие! И тут не важно, едешь ли ты в танке, пролетаешь на самолете или топаешь по брусчатке. Все в тебе собрано в крутую пружину. Не подвести! Рев самолетов заглушает музыку, солнце в это время всегда светит в глаза, посмотреть на трибуну Мавзолея практически не удастся. Все! Мы это сделали!»

Николай Артамонов и Игорь Клещевников действительно сделали это. В одном строю прошли по главной площади страны в день главного праздника. Праздника Победы! Но вскоре между друзьями пробежала кошка...

ОПАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

«Взрослели. Стали встречаться с девушками. Из-за одной поссорились. Молчали, не разговаривали целый месяц. Это называется, я познакомил свою девушку с другом! А она приходит на встречи и ко мне, и к нему», – с горечью вспоминает Игорь Геннадьевич.

Николай оказался мудрее. Оценив, что терять настоящего друга ради не способной на выбор девушки глупо, он подошел к Игорю и открыто признался, что не хочет рвать дружбу. Игорь с радостью отозвался на предложение Артамонова, и ребята пожали друг другу руки.

Позднее Николай встретит действительно чудесную девушку, которую смело познакомит с другом.

Вот что вспоминает о знакомстве своих родителей старшая дочь Артамонова Мария Николаевна Орлова.

«Сестра отца, Наталья Владимировна, училась в авиационном институте и дружила со своей однокурсницей Татьяной.

Как-то раз в квартире у Наташи они вместе оживленно обсуждали подготовку к встрече нового, 1959, года. В комнату вошел молодой красивый лейтенант, и, встретившись взглядом с Татьяной, он, по словам самого отца, “навсегда утонул в голубизне ее глаз”. Так произошла первая встреча наших родителей».

«А поженились они лишь в декабре 1963 года, – продолжает младшая дочь Артамонова, – и все эти нелегкие для мамы пять лет (ранний уход из жизни ее родителей, тяжелая болезнь, сложная операция) она была окружена таким пониманием, теплотой и заботой с его стороны, что по-другому быть и не могло. Они прожили вместе ровно 33 года, трудных, но счастливых».

Как и во всем, Николай окажется очень ответственным, равнодушным отцом. Он будет с удовольствием читать дочкам сказки, музицировать, делать утреннюю зарядку и закалять. Все то, что, как ему казалось, мог бы дать им с сестрой отец, не случись войны...

«Свойственную ему разносторонность интересов и активный образ жизни отец привнес и в свою семейную жизнь, – вспоминает Мария Орлова, – увлекая нас без нажима, собственным примером. Зимой почти каждые выходные ходили семьей на лыжах, летом – путешествовали на велосипедах. Навсегда запомнились семейные поездки на море, походы по Красной поляне, Уралу (река Белая), Подмосковью, рыбалки на Волге, Оке, ночные посиделки у костра с задушевными разговорами и песнями на даче и во время походов».

1968 г. С супругой

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО, НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Через всю свою жизнь Николай Владимирович пронес трепетное отношение к памяти отца. Он пытался пройти по следам всего его пути, начиная с момента рождения и до гибели, привлекая к этому и близких. Николай Владимирович неоднократно бывал со своей семьей на родине отца, на Урале; был в Борисоглебском летном училище, где отец сначала был курсантом, а впоследствии работал летчиком-инструктором; поддерживал тесную связь с читинцами, в чьем городе захоронен трагически погибший экипаж Владимира Ивановича. Вел активную переписку с пионерами, шефствующими над могилой, регулярно посылал им посылки с конфетами к праздникам.

Обстоятельства гибели Владимира Ивановича Артамонова долгие десятилетия оставались неизвестными, и Николай Владимирович в течение всей своей жизни неоднократно прилагал усилия для их выяснения. Он обращался в архивы, поддерживал связь с поисковиками, сам, взяв проводников, пытался в глухой тайге дойти до места крушения самолета. В период перестройки в связи с реконструкцией Центральной площади г. Читы было принято решение о перенесении братской могилы, и Николай Владимирович добился и организовал перезахоронение с воинскими почестями останков экипажа на Донском кладбище в Москве на «Аллее летчиков». Через пятьдесят лет экипаж вернулся к месту назначения.

«Над письменным столом папы всегда висела фотография отца, а в семье как реликвия бережно хранится кожанка, в которой воевал Владимир Иванович и в которой до сих пор в наш дом под Новый год приходит Дед Мороз с подарками для детей», – делится воспоминаниями младшая дочь Николая Владимировича.

По воспоминаниям дочерей, отец очень ценил дружбу и кадетское братство было для него не пустым словом. Он всегда с готовностью приходил на помощь, друзья часто обращались к нему за советом в сложных жизненных ситуациях. Их дети по сей день вспоминают, как одного он прирастил к рыбалке, другого научил водить машину, с удовольствием играл с ними в футбол и теннис. Двери его дома всегда были гостеприимно открыты. И поныне в дни

рождения и памяти Николая Владимировича его друзья и близкие без приглашения собираются в нем.

Но все это будет потом. А тогда, весной 1954 года, выпускнику-суворовцу только предстоит сделать важный выбор, который во многом определит всю его дальнейшую судьбу.

ПРИЗВАНИЕ

Окончив суворовское училище, Николай Артамонов поступил в общевоинское командное училище имени Верховного Совета РСФСР.

После учебы его направили в гвардейскую Таманскую дивизию командиром взвода. Во время войны эта должность была самой уязвимой, а в мирное время – самой трудной, на которой и происходит становление командира. Ответственность не только за себя, но и за других, за своих подчиненных: за их обучение, выполнение ими своих обязанностей и выполнение приказов. Кто-то жестоко обращается с солдатами, кто-то смотрит сквозь пальцы на «дедовщину».

«Коля своих подчиненных берег, учил, уважал. Во время учений был случай, когда без отдыха, в ночное время, нужно было совершить бросок на машинах на исходные позиции для наступления. Еще неопытные водители выбивались из сил, начинали засыпать за рулем. Николай давал отдохнуть, сам по очереди садясь за руль. Взвод прибыл в срок и был в состоянии провести успешную атаку. А Николай с тех пор приобрел полезный навык, его никогда не тянуло ко сну, когда он садился за руль», – рассказывает Игорь Геннадьевич Клещевников.

Такая репутация человека достойного и уважающего достоинство других, пусть даже подчиненных, высоко ценилась в рядах Вооруженных Сил.

А это из воспоминаний Натальи Руслановой, сестры Николая Владимировича Артамонова:

«Однажды к нам постучали в дверь. Я открыла... На пороге стояло несколько солдат. «Можно увидеть Веру Семеновну?» Я проводила их к нашей маме. Это оказались только что демобилизовавшиеся ребята, которые перед отъездом домой пришли к матери своего командира, поблагодарить ее за сына».

Связав свою судьбу с армией, Николай Артамонов все-таки стремился к высшему образованию.

Как рассказывает вдова Николая Владимировича, Татьяна Дмитриевна: «В то время он почти одновременно учился заочно на механическом факультете Пищевого института, окончил Университет марксизма-ленинизма, занимался на курсах английского и французского языков, а в 1961 году стал слушателем военно-юридического факультета Военно-политической академии имени В.И. Ленина».

Почти не сохранилось воспоминаний, почему Николай Владимирович выбрал «право», однако самые близкие уверены, что защищать правду, свободу и достоинство человека – это было не только профессией, а человеческой потребностью Николая Владимировича.

После окончания академии Николай проходит службу военным следователем в военной прокуратуре Ярославского, а затем Московского гарнизонов. В те годы он запомнился друзьям как человек, полностью погруженный в свою работу.

Он всегда добросовестно, со свойственным ему азартом, выполнял свои обязанности, нередко забывая о себе.

Так, однажды он чуть не умер от запущенного аппендицита, лечение которого постоянно откладывал из-за сильной

загруженности и необходимости завершить очередное расследование.

Как вспоминает его супруга: «Он попал в больницу с обширнейшим перитонитом. Принимавшие его врачи отказались от проведения операции ввиду ее бесполезности из-за упущенного времени. И только на следующее утро старейший врач больницы, опытный хирург, рискнул взяться за нее, не гарантируя положительного исхода. Операция шла без общего наркоза – иначе было уже нельзя. Борьба за жизнь продолжалась еще целых три дня. Надежда была только на молодую и сильный организм. И он победил».

«СОЛДАТ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОЛДАТ»

С 1968 года Артамонов приступил к педагогической работе – преподаватель кафедры военной администрации и административного права, начальник кабинета военного законодательства. Именно тогда начнутся и впоследствии продолжатся его многолетние исследования вопроса о правовых основах статуса военнослужащих.

1957 г. В Таманской дивизии

Проблемой правового статуса военнослужащих военные юристы занимаются уже не первое столетие. Так, российские и зарубежные юристы XVIII – XIX веков, ссылаясь на специфику военной организации, на особое положение армии в механизме государства, ее исключительность и ее функции, единодушно утверждали, что общепризнанные правовые начала и принципы правового статуса гражданина не могут не найти применения в вооруженных силах или должны быть ограничены. Однако сохранение всех гражданских прав у военнослужащего вступало в острое противоречие с дисциплиной, порядком, безусловным исполнением приказа.

Таким образом, одна из важнейших политико-юридических категорий, представляющая собой сложные связи, возникающие между государством и военнослужащими, а значит неразрывно связанная с социальной структурой общества, уровнем демократии, состоянием законности, требовала полной юридической ясности в форме специального закона.

Однако в советской военно-правовой литературе долгое время господствовал тезис об общегражданском полноправии военнослужащих. Утверждалось, что специальное исследование их правового статуса необоснованно, поскольку к военнослужащим, как полноправным гражданам, относится и все то, что говорится о правовом статусе граждан вообще.

Так, автоматически лишаясь множества общедоступных гражданских прав, защитники Отечества всегда оставались одной из самых беззащитных категорий граждан.

БЕЗЗАЩИТНЫЕ ЗАЩИТНИКИ

За многовековую историю понятие «русский солдат» стало глубинным, нарицательным. Значение «русского солдата» в летописи страны, а особенно в ее ключевых, тяжелых моментах невозможно переоценить. Верный Отчизне «русский офицер», по-настоящему так и не понятый иностранцами, тем не менее, всеми в мире признавался в своем моральном, профессиональном превосходстве.

Это искренне чувствовал и понимал Артамонов. Только за этим собирательным образом защитника Отечества он

1972 г. В одной из читинских школ

видел сотни тысяч реальных людей, военнослужащих. Видел их жен, избравших сложное бремя скитаний, видел их детей, которые в любой момент могли остаться сиротами.

В 1974 году Николай Владимирович защищает кандидатскую диссертацию, в которой им была глубоко разработана проблема льгот граждан в связи с исполнением воинских обязанностей. А в 1983 году на страницах журнала «Советское государство и право» им впервые был поставлен вопрос о том, что военная служба объективно вызывает ограничения некоторых прав военнослужащего как гражданина.

Докторская диссертация, успешно защищенная Артамоновым в 1986 году, была посвящена исследованию вопроса о правовых основах статуса военнослужащих и обоснованию необходимости принятия специального закона по этому важнейшему вопросу.

В 1990 году в Министерстве обороны СССР рабочей группой военных юристов под руководством Н.В. Артамонова был разработан первый проект закона о статусе военнослужащих. В нем впервые закреплялся принцип: военнослужащие пользуются общегражданскими правами и свободами с ограничениями, обусловленными особенностями военной службы и установленными законом о статусе. Что же касается материального обеспечения и льгот, установленных для военнослужащих и их семей, то они призваны компенсировать тяготы и лишения военной службы, а также обусловленные ею

ограничения права, что в результате позволяет достичь примерно тот же баланс прав и обязанностей, который имеют и другие категории граждан.

Воплощением научных идей Н.В. Артамонова стал принятый 22 января 1993 года Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих», в подготовке которого Николай Владимирович принимал самое активное участие.

Вошедшее в данный Закон определение понятия «статус военнослужащих» было сформулировано непосредственно Н.В. Артамоновым: «Статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных законодательством и гарантированных государством». Впоследствии именно это определение понятия «статус военнослужащих», ставшее классическим, без существенных изменений было включено в принятый 27 мая 1998 года Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

Уже только одного этого достаточно для ученого, чтобы увековечить свое имя в истории военного права. Однако Николай Владимирович разработал не только дефиницию, но и основные вопросы, касающиеся составных частей сложной конструкции специального правового статуса военнослужащих.

Значение Закона о статусе военнослужащих невозможно переоценить. Он четко определяет социальное положение защитников Отечества, их свободы, права, ответственность и обязанности, является основой обеспечения льгот и гарантий граждан, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. И это, наверно, лучший памятник этому замечательному военному ученому.

Тогда никто не мог и предположить, как скоро и как сильно изменится страна...

ТРУДНЫЕ 90-Е

Этот период стал одним из самых сложных в истории отечественных Вооруженных Сил. Несмотря на тяжелейшую ситуацию, Артамонов продолжал свою научную деятельность. Все рушилось, мало кто верил в будущее, но Николай Владимирович не сомневался – Россия устоит.

Занимаясь преподавательской деятельностью на военно-юридическом факультете Военного института, Николай Владимирович в течение длительного времени вел курс военной администрации и внес значительный вклад в развитие административного направления военно-правовых исследований.

К научному наследию профессора Н.В. Артамонова также относится разработка проблем военной администрации (военно-административного права) как отрасли права, науки и учебной дисциплины. Он являлся автором многих учебных пособий, входил в авторский коллектив учебника «Военная администрация», являющегося базовым в подготовке военных юристов и неоднократно переиздававшегося. Ему принадлежит большое число публикаций научного и научно-методического характера, которые были опубликованы в ведущих юридических изданиях и журналах.

После увольнения из Вооруженных Сил, с 1992 года, Николай Владимирович работал на различных должностях в Государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации и внес большой вклад в создание правовых основ строительства Вооруженных Сил Российской Федерации – стоял у истоков разработки таких законодательных актов, как законы Российской Федерации «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе».

Высокий уровень компетентности, ответственность за порученное дело и личное обаяние снискали ему заслуженное уважение и авторитет в коллективе.

Удивительно теплые слова коллег прозвучали в день его 60-летия: «Природа не часто бывает щедра, но 31 июля 1936 года не поскупилась и наградила свое творение всеми возможными достоинствами: красивой внешностью, умом, широтой натуры, талантом. И конечно, где бы потом не появлялся этот человек, никто не мог устоять перед его обаянием. По образованию военный юрист, по призванию – талантливый ученый, по роду деятельности – учитель, наставник. Вам удалось организовать своих учеников, сдружиться с новыми людьми, как творческая личность проявить себя во всей полноте своих интересов, знаний, со свойственной Вам поразительной

1994 г. Москва.
Донское кладбище. К отцу и прадеду

интуицией уловить самую суть любого перспективного направления в работе. И пусть тот, кто не воспользовался такой возможностью Вашего участия, досадует только на себя».

Длительное время Николай Владимирович являлся членом диссертационного совета по специальности – Военное право, военные проблемы международного права. Под его научным руководством многие преподаватели и практические работники защитили кандидатские диссертации, успешно работают в органах военной юстиции и занимаются педагогической деятельностью. Проблемы правового статуса военнослужащих, их социальной защиты нашли свое отражение в более сорока диссертациях и относятся на сегодняшний день к числу наиболее востребованных в военно-правовых исследованиях.

В этот период Н.В. Артамонов занимался педагогической деятельностью на юридическом факультете только что созданного Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ), где возглавлял кафедру государственного и административного права. Он внес существенный вклад в организацию учебного процесса, разработку учебно-методических и научно-практических пособий, в становление научного коллектива, что позволило

юридическому факультету первым среди высших юридических учебных заведений пройти общественную аккредитацию в Ассоциации юридических вузов России, а затем и государственную аттестацию, давшую право выдавать выпускникам факультета дипломы государственного образца.

Николаю Владимировичу Артамонову было присвоено звание полковника юстиции, а за заслуги в научной и педагогической деятельности – почетное звание заслуженного юриста РСФСР. Он был избран действительным членом Академии военных наук.

Такая масштабная и плодотворная деятельность снискала Николаю Владимировичу уважение и признание как современников, так и будущих поколений. Но главное – он был счастливым человеком. Из тех, кто, найдя свое призвание, оказался ему верен до конца.

Будучи отцом двух дочерей, он, всегда мечтавший о сыне, в 1992 году, наконец, обрел долгожданного внука, радостному и тесному общению с которым судьба отмерила всего четыре года. Внучке повезло значительно меньше – она всего чуть меньше месяца имела возможность проводить ни одну из своих первых беспокойных ночей на его руках. У третьего внука такой возможности не оказалось вовсе.

27 декабря 1996 года, в последний рабочий день перед Новым годом, Николай Владимирович спешил домой, неся в портфеле распашонку в подарок любимой внучке, но жизнь его трагически оборвалась в подъезде собственного дома. К сожалению, лица, причастные к его гибели, следствием так и не установлены.

Николай Владимирович ушел... Но оставил так много! Любящих детей и внуков. Преданных друзей и признательных коллег. Миллионы людей, чью жизнь он сделал лучше, своим трудом во многом обеспечив гарантии их прав и свобод.

Авторы выражают особую благодарность И.Г. Клещевникову, а также родным и близким Николая Владимировича за предоставленные автобиографические материалы и фотографии

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Загорский Геннадий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФСР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская,
д. 3/4

E-mail: 9976842@mail.ru

Мигачёв Юрий Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская,
д. 3/4

E-mail: Anton_Migachev@rambler.ru

Корякин Виктор Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва

111033, Москва, ул. Волочаевская,
д. 3/4

E-mail: Korjakinmiit@rambltr.ru

Тихомиров Сергей Валентинович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: tsw62@mail.ru

Keywords: military law; the legal status of military personnel; the rights of servicemen

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zagorski Gennady Ilyich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the RSFSR, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Scientific Advisory Board to the Supreme Court of the Russian Federation, Professor of Department after N. Radutnaya (Criminal Procedural Law, Criminalistics and Forensics) of the Russian Academy of Justice, Professor of Department of Criminal Proceeding of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow,
111033, Russian Federation

E-mail: 9976842@mail.ru

Migachev Yuri Ivanovich, Dr. Sc. (Law), Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow,
111033, Russian Federation

E-mail: Anton_Migachev@rambler.ru

Koryakin Viktor Mikhailovich, Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Professor of Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow,
111033, Russian Federation

E-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Tikhomirov Sergey Valentinovich, Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow,
111033, Russian Federation

E-mail: tsw62@mail.ru

In memoriam of a military scientist

INTERRUPTED FLIGHT

Gennady I. ZAGORSKI

Yuri I. MIGACHEV

Viktor M. KORJAKIN

Sergey V. TIKHOMIROV

Abstract. This article is an essay in memoriam of the outstanding scientist, the patriarch of the national military law science N.V. Artamonov.

УДК 342.97

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. ПАРШАКОВ,
кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем)
E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

Ю.В. ЛАГАШКИНА,
младший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем)
E-mail: lv_julia@bk.ru
Военный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются нормативная правовая база, регламентирующая деятельность научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации, а также некоторые направления ее совершенствования с целью дальнейшего реформирования военно-научного комплекса.

Ключевые слова: нормативная правовая база; научно-исследовательские организации; показатели результативности, ресурсоемкости и оперативности научной работы; военно-научный комплекс; военные образовательные учреждения

Продолжающийся новый этап развития российского общества, обусловленный изменением общественно-политического строя, экономического устройства, военной организации государства, находит свое отражение в структуре и динамике явлений социальной напряженности.

Происходящие геополитические и внутрirosсийские изменения, кризисные явления в социально-экономической сфере могут привести к снижению уровня научного и научно-технического потенциала страны, к сокращению его материальной, финансовой и кадровой основы, и, как следствие, к снижению мотивации труда российских ученых.

Вместе с тем, проводимые в России преобразования направлены на формирование социально ориентированной рыночной экономики, одним из важнейших факторов которой является эффективное использование трудового потенциала организаций, независимо от формы собственности и отраслевой принадлежности.

В связи с изложенным актуальная задача управления – поиск новых подходов к повышению результативности труда и эффективного использования потенциала научных и научно-исследовательских организаций, продуктом деятельности которых являются новые научные и научно-технические разработки – результаты воплощения идей, творчества, эксперимента.

В настоящее время Российскому государству необходим дееспособный, отвечающий высоким требованиям военнанаучный комплекс, представляющий собой систему с четко определенными задачами и рациональной структурой, эффективным механизмом функционирования и контроля, базирующийся на современной нормативной правовой базе.

Действующие нормативные правовые акты Министерства обороны Российской Федерации (далее – Минобороны России), регламентирующие деятельность научно-исследовательских организаций, не в полной мере обеспечивают возможность оценки эффективности научной и научно-технической деятельности по причине неопределенности конкретной перечней показателей результативности, ресурсоемкости и оперативности научной работы, их критериев оценки и пороговых значений.

Россия по сравнению с ведущими зарубежными странами имеет значительно меньший опыт в области разработки и применения методик оценки результативности научной деятельности научно-исследовательских организаций. Вместе с тем, в настоящее время действующим российским законодательством установлен порядок и методика оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, целью проведения которой является формирование эффективной системы научных организаций,

увеличение их вклада в социально-экономическое развитие страны и повышение эффективности принятия управленческих решений в сфере науки. Организационная и правовая основа функционирующей модели оценивания указанных организаций выглядит следующим образом.

Базовым нормативным правовым актом в данной области является Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) «О науке и государственной научно-технической политике» [1], определяющий основные направления развития науки в нашей стране.

Основу общей системы правового регулирования оценки результативности деятельности научных организаций и научных работников в Российской Федерации составляют ряд правовых актов и организационно-распорядительных документов федерального уровня. Прежде всего, это Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р), указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2012–2015 гг., Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения», приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 161 (в ред. от 17 июля 2015 г.) «Об утверждении типового положения о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения и типовой методики оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения», приказ Министерства образования и

науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162 (в ред. от 3 марта 2016 г.) «Об утверждении порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки» [2; 3; 4; 5; 6; 9; 10].

В настоящее время происходит зарождение нормативной и методической базы для оценки не только НИО Минобороны России, но и всех организаций (научных, образовательных, инновационных и т. п.), выполняющих научные исследования в области обороноспособности и национальной безопасности.

При этом необходимо заметить, что реформирование указанных научно-исследовательских подразделений Минобороны России в целом соответствует тренду реформирования научных исследовательских организаций министерств и ведомств Российской Федерации.

Систему правового регулирования оценки результативности деятельности научных организаций и научных работников в Минобороны России также определяет целый перечень правовых актов.

Задача реформирования военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации поставлена в указаниях Президента Российской Федерации (Указы Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 и № 599, решение Совета Безопасности Российской Федерации от 5 июля 2013 г. [14]), а также в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2012–2015 гг. [4].

Общие установки о необходимости модернизации военной науки конкретизированы в Плане развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года [13], определившем отдельные целевые показатели развития военно-научного комплекса на период до 2020 года.

В целях реализации названных указаний Президента Российской Федерации в Вооруженных Силах была развернута работа по подготовке «дорожных карт»: программ развития и сопряженных с ними планов мероприятий по повышению эффективности деятельности военных образовательных учреждений и их научных подразделений.

С выходом нормативных документов федерального уровня (Распоряжения Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2014 г. № 722-р «Об утверждении “дорожной карты” “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки”» [7], которое явилось основой для приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2014 г. № 820 «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожной карты”) Министерства обороны Российской Федерации») работа по подготовке «дорожных карт» в военных образовательных учреждениях была институализирована и приведена к единой форме.

На основании данных нормативных актов органами военного управления были подготовлены и утверждены программы и планы развития подчиненных им военных образовательных учреждений, научно-исследовательских организаций на период до 2020 года, включающие в том числе и вопросы развития и совершенствования научной работы.

В Военном университете разработаны и действуют утвержденная Министром обороны Российской Федерации в 2014 г. «Программа развития ФГКВООУ ВО “Военный университет” Министерства обороны Российской Федерации на период до 2020 года» и «План мероприятий (“дорожная карта”», согласованный с начальником ГУК Минобороны России и утвержденный статс-секретарем – заместителем Министра обороны Российской Федерации Н.А. Панковым 20 июня 2013 г. В упомянутой «дорожной карте» содержится ряд контрольных

показателей повышения эффективности и качества подготовки военных специалистов в Военном университете (в том числе и по вопросам научной работы) на период с 2013 по 2020 годы.

Ряд важных положений, касающихся вопросов оценки эффективности научной работы в военных образовательных учреждениях, содержится в Инструкции о порядке проведения проверок военно-учебных заведений Минобороны России, введенной в действие приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2000 года № 277 [8]. Согласно п. 18 указанной Инструкции состояние научной работы проверяется в соответствии с правовыми актами Минобороны России и Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации в научно-исследовательском отделе, на факультетах, кафедрах, в научных подразделениях и в вузе в целом. При этом изучаются:

- содержание и качество планирования научной, рационализаторской, изобретательской и патентно-лицензионной работы;
- актуальность тематики научных исследований и их соответствие профилю вуза, направленность на решение проблем укрепления обороноспособности страны, совершенствование военного образования, соответствие практическим потребностям войск и вузов;
- степень участия в научной работе постоянного состава вуза;
- глубина проработки исследуемых вопросов, обоснованность выводов и предложений;
- теоретическое и практическое значение, реализация результатов научной работы, в том числе в образовательном процессе;
- руководство научной, рационализаторской, изобретательской и патентно-лицензионной работой;
- участие в военно-научной работе слушателей и курсантов;
- состояние научного информационного обеспечения.

Также в приказе даны критерии оценки и пороговые значения указанных показателей.

В частности, состояние научной работы на кафедре, факультете и в вузе в целом оценивается:

«удовлетворительно», если организация,

обеспечение и проведение научной, рационализаторской, изобретательской и патентно-лицензионной работы постоянного состава, военно-научной работы слушателей и курсантов отвечают требованиям правовых актов Минобороны России; в тематике научных исследований имеются работы, направленные на совершенствование образовательного процесса; руководящий, профессорско-преподавательский состав принимает активное участие в научной работе; научные исследования актуальны, имеют фундаментальную и прикладную направленность; результаты научной работы, изобретения и рационализаторские предложения реализуются на практике; слушатели и курсанты участвуют в научной, изобретательской и рационализаторской работе; имеющиеся отдельные недостатки не оказывают существенного влияния на эффективность научной работы в вузе;

«неудовлетворительно», если не выполнены условия на оценку «удовлетворительно».

В перечень правовой базы ведомственного уровня, в частности Главного управления кадров Минобороны России, определяющей показатели результативности научной деятельности Военного университета и их научных работников, входит указание Министра обороны Российской Федерации от 28 января 2014 года, в котором содержится требование создать Комиссию по оценке эффективности деятельности военно-учебных заведений. Во исполнение данного указания для проверки Военного университета создана Комиссия с вышеназванными полномочиями.

В Приложении № 4 к названному указанию содержатся Методические рекомендации по оценке эффективности деятельности военно-учебных заведений Минобороны России, которые определяют порядок проведения мероприятий, по оценке эффективности деятельности военно-учебных заведений и их филиалов.

В п. 11 Методических рекомендаций определен порядок отчета по оценке эффективности деятельности вуза с включением перечня таблиц, проблемных вопросов, на основании которых разрабатывается комплекс мер, направленных на повышение качества подготовки военных специалистов, состояния инфраструктуры, учебно-материальной базы, а

также выводы по направлениям деятельности вуза с учетом динамики за последние три года.

В таблицах отражаются показатели деятельности военно-учебного заведения, их критериальные значения и фактические данные о состоянии соответствующих показателей.

Проблемы по каждому элементу проверки формируются на основе анализа сведений, представленных в таблице, с отражением причин их возникновения.

На основании анализа соответствия фактических данных критериальным значениям, экспертных оценок формулируются выводы, по оценке эффективности деятельности вуза.

На ведомственном уровне организационно-распорядительными документами прямого действия по рассматриваемым вопросам являются Порядок организации научной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 декабря 2015 г. (далее – Порядок) [12] и Методика оценки результативности научной деятельности научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации, утвержденная приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 380 (далее – Методика) [11].

В данных документах в качестве основных определены следующие задачи:

- оценка эффективности и формирование основных направлений развития как научно-исследовательских организаций в частности, так и военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации в целом;
- создание постоянно действующей системы мониторинга состояния и развития научно-исследовательских организаций;
- существенное повышение качества научной работы;
- формирование нормативной правовой базы для реализации системы «эффективного контракта» для научных работников.

В Методике определены четыре направления (общие критерии) оценки результативности научных организаций:

- результативность научных исследований;
- развитие кадрового потенциала;

- распространение научных знаний и повышение престижа науки;

- ресурсное обеспечение деятельности научной организации.

Решение задач по реформированию военно-научного комплекса обусловлено необходимостью создания современной методической базы, связывающей единым замыслом и методологией оценку эффективности научной работы на всех уровнях:

- военно-научного комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации;
- научно-исследовательских организаций Вооруженных Сил Российской Федерации;
- научных работников научно-исследовательских организаций.

Таким образом, в настоящее время представляется необходимым основные усилия сосредоточить на совершенствовании нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность научно-исследовательских подразделений Министерства обороны Российской Федерации – прежде всего, доработке Методики и Порядка, а также введении в действие проекта Методики расчета трудоемкости выполнения научно-исследовательских работ научно-исследовательскими организациями Минобороны России и учета фактических трудозатрат на выполнение научно-исследовательских работ.

Углубленное изучение и анализ названных документов показал ряд недостатков, требующих устранения путем доработки указанных документов. С этой целью необходимо:

- обеспечить единство подходов в понимании основных правовых терминов и понятий в текстах Порядка и Методики;
- ввести определение оценки результативности научной деятельности, термина «результативность», понятия «мониторинг результативности научной деятельности», «оперативность научной деятельности»;
- в Методике четко и однозначно определить кем и куда представляются результаты мониторинга, а также проработать вопрос о субъекте мониторинга.

Вместе с тем существует несколько организационно-распорядительных документов Минобороны России, устанавливающих свой порядок, отдельные критерии оценки и пороговые значения

результативности научной деятельности. К примеру, оценка эффективности деятельности военно-учебных заведений, в части касающейся научно-исследовательской составляющей, осуществляется в соответствии с Инструкцией о порядке проведения проверок военной учебной заведений Министерства обороны Российской Федерации (приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2000 г. № 277), указаниями Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 205/2/730 о результатах мониторинга вузов и от 28 января 2014 г. по оценке эффективности деятельности военно-учебных заведений, приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2014 г. № 820 «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожной карты”) Министерства обороны Российской Федерации», Методикой оценки результативности научной деятельности научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации» (приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 380) и документами Главков Минобороны России.

На основании вышеизложенного, следует прийти к выводу, что нормативная база оценки и мониторинга результативности деятельности научно-исследовательских организаций Минобороны России находятся лишь на стадии становления, формирования, требующего дальнейшего развития и совершенствования. Представляется необходимым создать единый нормативный акт, позволяющий системно и комплексно оценить эффективность научной работы в военном ведомстве.

При этом, по нашему мнению, все показатели, критерии и их пороговые значения должны быть разбиты на две категории: основные и дополнительные. В нормативном акте перечень основных показателей результативности научной деятельности, подлежащих учету, контролю и отчетности, не должен быть избыточным, особенно для научных подразделений вузов, ввиду отсутствия в последних должностей работников, занимающихся учетно-контрольными функциями. Наличие большого количества показателей, критериев оценки, сведенных в объемные планирующие и отчетные формы,

приведет к бюрократизации научного труда и к сокращению рабочего времени, выделяемого собственно на научную работу.

В дальнейшем возможно проведение дополнительного исследования по определению корреляции между показателями и критериями оценки эффективности научной работы научно-исследовательской организации и показателями и критериями оценки эффективности научной работы научных сотрудников.

Разработка критериев, показателей и их пороговых значений результативности научной деятельности применительно к каждой форме научной работы нецелесообразна, поскольку, во-первых, приведет к перекосу в деятельности научных сотрудников в сторону формализации их деятельности в ущерб творчеству, а, во-вторых, частные количественные показатели должны носить не императивный характер, а выполнять роль индикативных норм.

При этом оценка эффективности научной работы как научно-исследовательских организаций, так и отдельных научных сотрудников, не должна сводиться лишь к получению формальных сведений из некоторой совокупности заполненных отчетных форм, а должна формироваться, хотя и с использованием указанных статистических данных отчетных форм, но специально создаваемыми экспертными комиссиями. В состав последних должны входить как представители органов военного управления, занимающиеся планированием и осуществлением научной деятельности, так и представители военных образовательных учреждений (в том числе и представители вузов, подвергнутых проверке).

Таким образом, научные исследования направлений совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность научно-исследовательских подразделений Министерства обороны Российской Федерации, имеют открытую архитектуру, позволяющую, с одной стороны, интегрировать их в систему оценки военно-научного комплекса в целом, с другой стороны – на их базе формировать частные методики оценки результативности научной работы как отдельных подразделений, так и научных сотрудников научно-исследовательских организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 35. – Ст. 4137; 2016. – № 22. – Ст. 3096.
2. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2334.
3. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2336.
4. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2012–2015 года. // Рос. газ. – 2012. – 13 дек.; 2013. – 13 дек.; 2014. – 5 дек.; 2015. – 4 дек.
5. Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения: постановление Правительства Рос. Федерации от 8 апр. 2009 г. № 312 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 15. – Ст. 1841; 2013. – № 45. – Ст. 5815.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2011 г. № 2227-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 1. – Ст. 216.
7. Об утверждении «дорожной карты» «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 апр. 2014 г. № 722-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2469.
8. Инструкция о порядке проведения проверок военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. приказом Министра обороны Рос. Федерации от 30 мая 2000 г. № 277. – Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-ob-oborone/18/prikaz-ministra-oborony-fft-ot-30-05-2000--277.html> - 15.
9. Об утверждении типового положения о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения и типовой методики оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения: приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 5 марта 2014 г. № 161 (в ред. от 17 июля 2015 г.) // Рос. газ. – 2014. – 18 июля.
10. Об утверждении порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки: приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 5 марта 2014 г. № 162 (в ред. от 3 марта 2016 г.) // Рос. газ. – 2014. – № 106.
11. Методика оценки результативности научной деятельности научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. приказом Министра обороны Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 380. – Режим доступа: http://doc.mil.ru/files/6_Hronologicheskii_perechen_prikazov.doc.
12. Порядок организации научной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 дек. 2015. – Режим доступа: http://doc.mil.ru/files/6Hronologicheskii_perechen_prikazov.doc.
13. Минобороны России опубликовало

планы развития Вооруженных Сил до 2020 года [Электронный ресурс] // Одино. 2013. 27 июня. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/minoboroni-rossii-opublikovalo-plani-razvitiya-vooruzhyonnihsil-do-2020-goda/>.

14. О совершенствовании военной организации Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Совет безопасности Российской Федерации: официальный сайт. 2013. 5 июля. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/conferences/55.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Паршаков Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, почетный работник прокуратуры, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва, 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

Лагашкина Юлия Валерьевна, младший научный сотрудник научно-исследовательского центра (военно-научной информации, военно-правовых проблем) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва 123001, Москва, ул. Большая Садовая д. 14

E-mail: lv_julia@bk.ru

Keywords: regulatory framework; research organizations; performance indicators; resource intensity and efficiency of scientific work; military-scientific complex; military educational institutions

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Parshakov Alexandr Sergeevich, Cand. Sc. (Law), Honorary Worker of the Prosecutor's Office, Senior Researcher of the Research Center (Military-Scientific Information, Military Legal Problems) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: alexandrpashakov@yandex.ru

Lagashkina Yulia Valer'evna, Junior Researcher of the Research Center (Military-Scientific Information, Military Legal Problems) of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

14 Bol'shaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russian Federation

E-mail: lv_julia@bk.ru

Research and Development

ON SOME DIRECTIONS TO IMPROVE THE NORMATIVE LEGAL BASIS TO REGULATE THE ACTIVITIES OF RESEARCH ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexandr S. PARSHAKOV,
Julia V. LAGASHKINA

Abstract. This article examines the normative legal framework regulating the activities of the research organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation and some directions of its development with the aim of further reforming of the military-scientific complex.

УДК 342.97

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ДОКТРИНЕ И ПРАКТИКЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А.А. ТИМОШЕНКОВА,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного (государственного) и международного права

E-mail: zarya@mail.ru

Военный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматривается история развития правового регулирования создания военных союзов в России и за рубежом с древнейших времен до середины XIX в.; анализируется эволюция международно-правовой теории и практики в области применения вооруженных сил для выполнения задач по союзным договорам.

Ключевые слова: военный союз; вооруженные силы; международный договор; союзнические обязательства

В современных условиях все возрастающей интеграции и глобализации мира, с одной стороны, и усиления напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, обострения напряженности в отношениях России и ряда ведущих иностранных держав, с другой стороны, возрастает роль военно-союзнических отношений, включая вопросы

их реализации, в том числе и путем применения вооруженных сил для выполнения союзнических обязательств.

Часть 2 ст. 10 Федерального закона «Об обороне» устанавливает, что Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены, помимо прочего, и для решения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации. Действующая Военная доктрина Российской Федерации также относит решение задач в интересах союзников Российской Федерации к числу основных задач Вооруженных Сил России. В этой связи представляет интерес рассмотрение эволюции правового регулирования применения вооруженных сил для выполнения союзнических обязательств на теоретическом и практическом уровнях в России и за рубежом.

Практика объединения государств для совместного решения задач военного характера берет свое начало в глубокой древности. Она возникла, по существу, одновременно с появлением

межгосударственных отношений. Все влиятельные государства при осуществлении своей военной политики вступали в те или иные связи с иностранными государствами. Разумеется, не стала исключением и Россия, на протяжении всей своей истории участвовавшая в различных формах военного сотрудничества с другими странами.

Доктрине и практике известны две основные формы объединения государств для решения задач военного характера: военный союз и система коллективной безопасности. Идея военных союзов государств возникла первой. Основной целью их создания являлось ведение совместной вооруженной борьбы против общего противника: одного государства или группы государств. Более того, даже если государства и не состояли в военных союзах, то под влиянием геополитического фактора, международной обстановки, стратегической ситуации, особенностей традиций, национального менталитета они выстраивали целую систему разнообразных отношений к существующим коалициям [12, с. 2–11].

Союзные договоры между государствами заключались начиная с глубокой древности. Одним из наиболее древних дошедших до нас письменных документов международного характера является договор египетского фараона Рамзеса II и хеттского царя Хаттушиля III, заключенный в начале XIII в. до н. э. Договор обязывал государства прекратить военные действия, которые велись в течение длительного времени между Египтом и Хеттским царством, и оказывать друг другу союзническую помощь в борьбе против врагов. «Если придет другой враг против земли Рамзеса II, великого правителя Египта, и он придет к великому князю страны хеттов, говоря: “Приди ко мне и дай силу против него”, – великий князь страны хеттов должен (прийти к нему). Великий князь страны хеттов поразит его врагов» [4, с. 16].

В Древней Греции в период V–IV вв. до н. э. вопросы войны были достаточно разработаны. Войной признавалось только вооруженное столкновение между полисами (государствами). Различали законные и незаконные войны. Причем, хотя перечень законных причин войны не был четко установлен и разнился в практике полисов, исполнение союзных

обязательств, наряду с защитой государств от нападения и защитой религиозных святынь, признавалось бесспорным основанием для начала войны.

Древние греки заключали союзные оборонительные договоры (симмахии) и союзные наступательные договоры (эпимахии). В V–IV вв. до н. э. в Греции образовывалось много военно-политических союзов (I и II Афинские морские союзы, Пелопонесский союз и др.). Впоследствии стали возникать союзные государства, имеющие общие органы во внутренних и международных отношениях, члены которых в то же время сохраняли самостоятельность (Ахейский, Беотийский, Фессалийский, Этолийский союзы). Компетенцию союза составляли в основном военные вопросы, а представительство государств-членов в союзных органах определялось их действительной военной мощью.

Многие положения греческого законодательства были восприняты Римом. Римляне заключали договоры равные (договоры с независимыми государствами, которые не ограничивали суверенитета сторон) и неравные (ограничивающие суверенитет). К числу последних относились и договоры о союзе (*foedus sociale*), которые предусматривали не только мирные отношения, но и взаимную помощь в отношении третьих государств (*ut eisdem hostes et amicos haberent, quos populos Romanes*).

Первоначально после победы в войне, а затем и в мирное время римляне заключали договоры покровительства (*deditio*). Более слабые государства были вынуждены отдавать себя под покровительство Рима. В этих случаях *deditio* предусматривало наличие опасности со стороны третьего государства и ясно выраженное согласие Рима взять на себя защиту, что влекло признание такого государства союзником (*foedus*). Однако ценой за римскую военную помощь служило значительное ограничение самостоятельности союзного государства [4, с. 30–36].

Правовая традиция Древнего Китая исходила из того принципа, что «военный поход и уголовное наказание – одно и то же», поэтому в практике государств Древнего Китая интервенция — вмешательство в дела другого государства — признавалась допустимой и широко использовалась. Вмешательство чаще всего

осуществлялось коллективно, о чем заранее заключались договоры [9, с. 240]. Военные оборонительные и наступательные союзы часто заключались на съездах князей. В то же время известно, что в 546 г. до н. э. была предпринята одна из первых в истории попыток созвать общекитайский конгресс, чтобы провозгласить отказ от войн. К сожалению, данная попытка завершилась неудачей.

Как и везде, союзнические договоры занимали ведущее место в договорной практике китайских государств. «Чу и Цзинь не будут вести между собой войны, у них будут общие друзья и враги, они будут совместно сострадать правителям, находящимся в состоянии несчастья и опасности, и будут готовы оказать помощь тем, кто попал в несчастное положение. Цзинь нападет на всякого, кто нанесет ущерб Чу, и Чу нападет на всякого, кто нанесет ущерб Цзинь» (из договора 577 г. до н. э.) [13, с. 99].

В отечественной международно-правовой договорной практике положения об оказании военной помощи можно обнаружить в договорах с Византией IX–X вв. Например, Договор 874 (911) г. предусматривал обязанность Византии оказывать помощь русским в обмен за их отказ «воевать в Корсунской стране» и не пропускать туда «черных болгар» (ст.ст. 8, 11). Договор устанавливал не общее обязательство о взаимной помощи, но союз по военным вопросам применительно к определенным делам: «И о Корсунской стране. Русский князь не имеет права воевать в тех странах, ни в каких-либо городах той земли, и та страна не будет вам довластна; когда же попросит у нас воинов русский князь, чтобы воевать, дадим ему [столько], сколько ему ни потребуется».

Кроме того, договор предусматривал возможность отдельных руссов самостоятельно наниматься в войско византийского императора: «Когда же Вам потребуется идти на войну, а эти [русские] захотят почитать Вашего царя, то сколько бы из пришедших [к Вам] в какое-либо время не захотело остаться у Вашего царя по своей воле, пусть будет исполнено их желание» [3, с. 38–39].

Если античные авторы рассуждали о войне законной и незаконной, то для средневековой Европы характерна постановка вопроса о справедливой и несправедливой войне. Определяющее

влияние христианства на жизнь общества этого периода обусловило и то, что эти рассуждения основывались на положениях Нового завета, и они излагались религиозными деятелями, среди которых можно назвать Амвросия Медиоланского (340–391), Августина Блаженного (354–430), Фому Аквинского (1224–1274).

Из собственно юридических сочинений можно указать на Декрет Грациана (1150), в котором рассматривались многие вопросы, связанные с войной, и среди них такой: можно ли употреблять военную силу, чтобы помочь союзникам в отражении несправедливости? Автор приходит к выводу, что согласно Евангелию война недопустима, однако с юридической точки зрения ее нельзя полностью отрицать, хотя и следует по возможности избегать.

Существовавшая в средневековой Европе система вассальной зависимости определила такие формы применения вооруженной силы для выполнения союзнических обязательств, как помощь вассалу, ведущему законную войну, и помощь суверену в законной войне. Кристина Пизанская, автор «Книги о воинских и рыцарских подвигах» (1488), называет их среди «свободных» причин войны [4, с. 86–88].

Следующим этапом в развитии международного права стала Великая французская революция, которая внесла свою лепту в законодательное закрепление несправедливости захватнических войн. Среди многочисленных правовых актов, принятых в этот период, можно выделить «Предложение», внесенное депутатом Вольнеем на заседании Национального собрания 18 мая 1790 г. (ставшее впоследствии декретом от 22–27 мая 1790 г. и частично гл. VI Конституции от 3 сентября 1791 г.), и проект Декларации международного права, представленный Конвенту аббатом Грегуаром 23 апреля 1795 г. [4, с. 109–111].

«Предложение» Вольнея провозгласило принцип невмешательства: «Ни один народ не имеет права ни вторгаться во владения другого народа, ни лишать его свободы и естественных выгод» (ст. 3). Данный документ осуждал применение вооруженной силы против других государств и устанавливал запрет на захватнические войны: «Всякая война, предпринятая в иных целях, чем защита

справедливого права, является насильственным актом, который Великому обществу надлежит подавлять, потому что вторжение в одно государство со стороны другого угрожает свободе и безопасности всех.

По этим соображениям Национальное собрание декретирует в качестве статьи французской конституции, что французская нация возбраняет себе с этого момента начинать какую-либо войну, имеющую целью увеличение ее теперешней территории» (ст. 4) [7, с. 1].

Декларация аббата Грегуара шла еще дальше. Она провозглашала принцип невмешательства, независимость и суверенитет народов. Статья 15 Декларации устанавливала, что «посягательства на свободу одного народа являются покушением на всех». Декларация допускает оборонительную войну: «Каждый народ может предпринять войну для защиты своего суверенитета, своей свободы, своей собственности» (ст. 17); указывает на возможность использования переговоров для прекращения военных действий (ст. 18).

Декларация аббата Грегуара устанавливала особый запрет на создание наступательных военных союзов, подчеркивая их опасность для всего мирового сообщества: «Лиги, имеющие целью наступательную войну, договоры или альянсы, которые могут вредить интересу одного народа, являются посягательством на все человечество» (ст. 16) [4, с. 111].

Можно указать на существование ряда позиций по вопросам войны у отечественных авторов. Так, русский юрист В.Т. Золотницкий, автор книги «Сокращение Естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества», признавал право государств на войну, но подчеркивал, что война правомерна только ради «покоя и тишины». Мирные договоры, по мнению названного автора, должны быть «вечны, следовательно, с обеих сторон нерушимо соблюдаемы» [6, с. 146].

Русский мыслитель Я.П. Козельский отрицал безусловное право государств на войну, полагая, что «никто на свете не имеет права к войне, кроме как людей, которые так обижены, что обида их стоит по справедливости войны, и когда притом они к достижению себе удовольствия не имеют другого средства, кроме

войны» [8, с. 72]. Однако вопрос о том, кто и каким образом решает вопрос об удовлетворении за обиду, оставался без разъяснения. Тем не менее, философ отрицательно относился к деятельности Александра Македонского.

В то же время на позициях недопустимости войны стояли далеко не все авторы. В частности, отечественный правовед С.Я. Десницкий считал, что «все государства, не имея верховного над собой единого начальника, суть между собою наподобие первоначальных народов в состоянии натуральном. И потому война во всех государствах есть только и средство для отмщения обид государственных» [5, с. 18].

Другой русский ученый, юрист В.А. Уляницкий, отмечал, что «признается правомерной оборонительная война для защиты основных прав государства на независимость и неприкосновенность территории; вооруженная оборона допускается в случае уже совершенного правонарушения, когда нарушенное право не может быть восстановлено другим способом кроме войны или же в случае неминуемо грозящей опасности правонарушения» [14, с. 81].

К началу XVIII в. у России имелась обширная международно-правовая практика в области применения вооруженных сил для выполнения задач согласно союзным договорам. Союзные договоры не только закрепляли обязательства сторон о предоставлении военной помощи друг другу в том или ином случае, но и детализировали порядок ее предоставления: количество и состав выделяемых воинских формирований, условия их содержания, механизм вступления союзников в военные действия и их прекращения и т. д. Приведем в качестве примера содержание некоторых договоров.

29 января 1697 г. в Вене был заключен трактат «О наступательном союзе против Турок и Татар» между Россией, Австрией и Венецианской Республикой [1, т. II]. Документ предусматривал: 1) подготовку к войне против общего неприятеля и ведение совместных боевых действий «войсками, силами, караванами» (артикул 1); 2) оказание сторонами договора военной помощи друг другу («войсками нахождение») в случае нападения на одну из них (артикул 4); 3) уведомление союзников о намерениях в ведении войны и о мирных переговорах с противником (артикулы 2, 3).

В 1724 г. между Россией и Швецией был заключен оборонительный союз, к которому в дальнейшем присоединилась Австрия путем подписания 6 августа 1726 г. Трактата о содействии общими силами к сохранению в Европе мира. Трактат обязывал стороны оказывать военную помощь в случае нападения вплоть до объявления войны (артикул 2), устанавливая ее конкретные размеры: 30 000 человек, из них 20 000 пехоты и 10 000 драгун в случае войны (артикул 6). Участники Трактата предоставили себе право определить впоследствии точные условия содержания союзных войск, предоставленных одной державой по требованию другой. В этих целях 23 марта 1727 г. была заключена Конвенция «О содержании вспомогательных войск России в Цесарии, а Цесарии в России» [1].

Трактат от 26 мая 1732 г. между Россией, Австрией и Данией «О дружбе и взаимной гарантии принадлежащих оным Державам в Европе владений, о защите Австрийского наследства силою оружия и проч.» устанавливал следующий механизм взаимной помощи. В случае если одна из договаривающихся сторон будет «неприятельски атакована и нападена» [2], остальные обязуются по ее требованию сначала принять дипломатические меры, «чтоб оной достаточная сатисфакция учинена была», а при их недостаточности использовать оружие на справедливых и согласованных сторонами условиях до тех пор, пока «изобиженная сторона совершенно удовлетворена и все убытки и причиненные ей иждивения награждены не будут» (артикул 5).

Теоретические исследования относили договоры о союзах к договорам политическим. Вот что писал о союзных договорах А. Ривье, профессор права в Брюсселе, генеральный консул Швейцарии в Бельгии, главный секретарь, а затем и президент Института международного права: «Союзы бывают общие или ограниченные, определенные или неопределенные, равные или неравные, наступательные или оборонительные; услуги (именно оказание помощи могут быть обещаны с одной стороны или взаимно). Случай, на который обещаны услуги, называется *casus foederis*... Особенно важный вид договоров представляют военные союзы, бывающие оборонительными и наступательными; при них может быть обещана как общая, так и частная военная помощь» [11, с. 225–226].

Различали главных и второстепенных союзников (главные и вспомогательные воюющие стороны). Союзниками в собственном смысле (*allies*) считались два или более государства, ведущих войну сообща, «сами от себя». При этом военный союз мог сформироваться как до начала войны, так и в ее ходе. Вспомогательная сторона (*auxiliaire*) оказывала воюющим только частную военную помощь, при этом ее объем определялся союзным договором и мог варьироваться от предоставления вспомогательного корпуса до выплаты субсидии, открытия какой-либо местности для военных действий, разрешения на проход войск и т. д.

Против второстепенного союзника не считалось справедливым вести военные действия в размерах, превосходящих его собственное участие в войне. Иными словами, военные действия против второстепенного союзника должны были ограничиваться только участвующими в войне вспомогательными отрядами и не касаться всех его вооруженных сил и территории. Однако впоследствии это правило перестало применяться и различие утратило какое-либо практическое значение [10, с. 252–256].

Примерами главных союзников являются союзники против Франции в Наполеоновских войнах. Боевые действия русской армии совместно с прусскими, шведскими и с августа 1813 г. австрийскими армиями против наполеоновских войск в Германии и Франции (так называемые заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.) окончились взятием союзными войсками 18 марта 1814 г. Парижа и отречением Наполеона I от престола. Главными союзниками были также Австрия и Пруссия в 1863 г., Пруссия и Италия в 1866 г., Северогерманский союз, Бавария, Вюртемберг и другие союзники в 1870 г., Франция и Англия в 1853 г.

Вспомогательными сторонами западных держав в Крымской кампании были Швеция и Норвегия по договору от 21 ноября 1855 г., а вспомогательной стороной России - Румыния по договору от 26 января 1855 г.

Таким образом, анализ правового регулирования применения вооруженных сил для выполнения союзнических обязательств в исторической ретроспективе показывает, что этот институт имеет давнюю историю. Государства с незапамятных времен объединялись друг с другом в коалиции и альянсы, если

их интересы совпадали, для ведения совместной вооруженной борьбы против общего противника: государства или группы государств. Отечественная международно-правовая договорная практика развивалась в русле общемировых тенденций в данной сфере; ее начало относится к IX–X вв. По мере развития представлений о законной и незаконной, справедливой и несправедливой войнах менялись и представления о военных союзах. Для России, в отличие от некоторых других государств, всегда была характерна верность союзническому долгу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 7. – СПб., 1830.
2. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). – Варшава: Тип. Варшав. Учеб. Окр., 1906. – 602 с.
3. Памятники русского права / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1946. – Вып. 1. – 287 с.
4. Баскин Ю.Я. История международного права / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 205 с.
5. Десницкий С.Я. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. – М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768.
6. Золотницкий В.Т. Сокращение Естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества. – СПб.: Тип. Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, 1764.
7. Ключников Ю.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. – М.: Литиздат НКВД, 1925. – Ч. 1. – 447 с.
8. Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником. – М.: ЛКИ, 2015. – 216 с.
9. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1986. – 264 с.
10. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1905. – Т. 2.
11. Ривье А. Учебник международного права / под ред. Л. Комаровского; пер. П. Казанского. – М.: Тип. И.П. Малышева, 1893. – 370 с.
12. Родин В.А. Коалиционная

составляющая военных доктрин государств / В.А. Родин, В.П. Гриднев // Военная мысль. – 1999. – № 4.

13. Штейн В.М. К истории дипломатии в древнем Китае и в древней Индии // Вестн. ЛГУ. – 1947. – № 6.

14. Уляницкий В.А. Лекции по международному праву. – М.: Тип. О-ва распр. полезных книг, 1900. – 149 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошенкова Анна Александровна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва, 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: zarya_@mail.ru

Theory and History of Military Law

EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE ARMED FORCES TO FULFIL ALLIED COMMITMENTS IN THE DOCTRINE AND PRACTICE OF RUSSIA AND ABROAD FROM THE ANCIENT UNTIL THE MID-XIX CENTURY

Anna A. TIMOSHENKOVA

Abstract. The article discusses the history of the legal regulation of the establishment of military alliances in Russia and abroad, from ancient times until the middle of the XIX century. It analyzes the evolution of the international legal theory and practice in the use of the armed forces to fulfill allied commitments.

Keywords: military alliance; armed forces; international treaty; allied commitments

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timoshenkova Anna Aleksandrovna, Cand. Sc. (Law), Lecturer of Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, 3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: zarya_@mail.ru

УДК 316.4

ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В 1991-1993 ГОДАХ

О.В. ДАМАСКИН

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: dov39@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается положение и общественное мнение военнослужащих в условиях смены общественно-экономической формации в 1991–1993 гг., доказываемая практическая значимость ретроспективного рассмотрения полученной в указанное время информации, ориентирующей на необходимость в современных условиях регулярного получения, анализа и использования достоверных научных данных о состоянии правосознания и общественного мнения военнослужащих для предупреждения правонарушений в армии и на флоте в интересах укрепления обороны и безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: армия и общество; правовое положение военнослужащих; общественное мнение военнослужащих; правосознание военнослужащих; предупреждение преступлений и правонарушений военнослужащих; оборона и безопасность

В современных условиях возрастания внешних и внутренних угроз национальной безопасности России, через 25 лет после развала СССР, представляется актуальным ретроспективное рассмотрение положения армии в обществе, общественного мнения военнослужащих, роли

армии как фактора стабилизации обстановки в условиях смены общественно-экономической формации в 1991–1993 гг.

Рассматривая обозначенную тему, уместо вспомнить прошедший 17 марта 1991 г. всесоюзный референдум, имевший целью выявить отношения граждан к сохранению СССР. В референдуме приняли участие 80 % граждан, из которых 77 % высказались за сохранение союзного государства. Результаты референдума, противоречившие определенным групповым интересам руководства ряда субъектов СССР, были проигнорированы тогдашними руководителями России, Украины и Белоруссии, уклонившимися от использования реальных возможностей сохранения СССР за счет опоры на широкую поддержку большинства законопослушного населения и военнослужащих Вооруженных Сил, сохранявших верность военной присяге.

В ноябре 2010 г. «Левада-центр» провел опрос, показавший, что 55 % граждан сожалеет о распаде СССР. В наименьшей степени сожаление выразила молодежь, не жившая в СССР, в наибольшей степени – граждане старшего поколения. Из числа лиц в возрасте свыше 55 лет, выразили сожаление 83 % опрошенных, что преимущественно связано с существенным ухудшением социально-экономических

условий и деформации нравственных аспектов современной жизни, иллюзорности «абстрактной» свободы при росте преступности и коррупции.

Опрос «Левада-центра» в апреле 2016 г. показал, что о распаде СССР сожалеют 56 % опрошенных и лишь 28 % не видят в этом историческом событии повода для огорчения. По мнению 33% респондентов распад СССР был неизбежен, а 51 % считает, что его можно было предотвратить.

Кризис и распад Советского Союза стал началом перехода нашего общества в другое качество. Содержание, формы становления нового общества определили перспективы жизни военнослужащих, деятельности Вооруженных Сил, их взаимоотношения с обществом. Сущность демократизации армии состояла в утверждении в ее строительстве, деятельности принципов, норм, правил и ценностей демократии, закрепленных или закрепляемых в обществе в ходе проводимых социально-экономических и политических преобразований [6].

В период глубоких преобразований в обществе демократизация вооруженных сил имеет радикальный характер. Ее цель состоит в том, чтобы не допустить применения армии старого политического режима против сил, борющихся за завоевание и укрепление своей политической власти. После установления нового политического режима социальные силы, пришедшие к власти, выработав соответствующий механизм, осуществляют преобразование старой армии, рассматривая этот процесс как переходную ступень к созданию новой военной организации, отвечающей их интересам и потребностям.

Предпринятый системный анализ теоретических разработок и исторического опыта по демократизации армии говорит о том, что и теория, и сам процесс в своем содержательном плане включает в себя два основных аспекта: внешний – в рамках системы «общество–армия» и внутренний – в рамках системы «армия–личность» [3] Первый аспект предполагает утверждение принципов, норм, правил и ценностей демократии во взаимоотношениях между обществом и армией, второй – во внутренней жизни вооруженной

организации. Главной идеей внешнего аспекта выступает идея недопустимости применения армии как средства решения внутренних задач в борьбе за политическую власть. В демократизации внутренней жизни армии основополагающими проблемами являются права и свободы военнослужащих, а также их военно-служебные взаимоотношения.

История подтверждает, что демократизация вооруженной организации, ее характер и глубина определяются наличием объективных и субъективных условий. Объективные факторы этого процесса коренятся в общественно-политическом строе государства, в реальном уровне развития демократии в обществе, вытекают из организационных и социально-политических принципов военного строительства, содержания внутриармейской жизни. Субъективные условия демократизации предполагают наличие теоретических разработок по данной проблеме, активность и готовность общества, партий и движений, руководства страны, военнослужащих к демократическим преобразованиям и соответствующего правового обеспечения. При этом особое значение приобретает позиция армии в период обострения политического противостояния между основными ветвями власти: представительной и исполнительной.

Сохранение роли армии, стабилизирующей правопорядок, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, достигается отказом от государственной идеологии и департизацией. Суть департизации заключалась в ее ориентации на точное исполнение Конституции Российской Федерации, законов и приказов законной власти, провозгласившей себя правопреемником СССР, отказе армии от роли орудия одной или нескольких партий. При этом представляется неверной постановка вопроса о деидеологизации государства и Вооруженных Сил. Идеологией Вооруженных Сил должно стать признание верховенства легитимного основного закона – Конституции как основы правопорядка в стране и Вооруженных Силах, защиты государственного строя, закрепленного Конституцией Российской Федерации. Иные подходы чреваты

расколом армии, ее криминализацией, превращением в силу, разрушающую законность и правопорядок.

События, развернувшиеся 21 сентября – 4 октября 1993 г. поставили армию в чрезвычайно сложную как нравственную, так и правовую ситуацию, подвели ее к рубежу раскола, обусловленного противостоянием представительной и исполнительной властей. Это ставит вопрос о необходимости политологического и криминологического подхода к осмыслению положения армии в современном обществе. Ибо вовлечение армии руководителями любого уровня в политическую борьбу в качестве средства решения своих политических задач затрагивает жизненно важные интересы безопасности населения страны.

Политическая ситуация на территории бывшего СССР в 1990-е годы характеризовалась нестабильностью. В Российской Федерации и Содружестве Независимых Государств (СНГ) в целом были разрушены гражданский мир и согласие. В этих условиях были особенно опасны попытки втягивания армии в разрешение внутренних конфликтов. Одни из противостоящих политических сил хотели бы подтолкнуть армию к самостоятельным действиям. Другие, напротив, высказывали тревожные опасения в отношении того, что наши силовые структуры, прежде всего, военные ведомства, таят в себе угрозу переворота. Вот почему в такой период крайних и поспешных оценок ситуации была необходима целостная, объективная картина жизни нашего общества и его важнейших институтов.

Особо пристального внимания заслуживает армия с массой ее внутренних и привнесенных извне ходом политической борьбы противоречий и проблем. Весьма значимыми из них являются государственно-правовые и криминологические проблемы армии, связанные с состоянием общества и его безопасностью. Исторический опыт показывает, что возможны разные ситуации, когда боевые возможности армии используются не по назначению. Первая – армия превращается в самодовлеющую силу, выходит из подчинения правительству и берет на

себя функции управления страной. Вторая – армия попадает под влияние тех или иных социальных или национальных движений и политических течений и используется ими для давления на правительства. Третья – дискредитировавшее себя руководство страны, потеряв моральное право руководить, пытается обезопасить себя, «дисциплинировать» народ с помощью армии, превращаемой в «надсмотрщика». Четвертая – армия используется для пресечения массовых общественных беспорядков, т. е. выполняет функции охраны, поддержания стабильности в обществе. Пятая – в условиях, когда места дислокации, военные городки и казармы подвергаются блокаде и вооруженным нападениям экстремистских сил, армия вынуждена предпринимать самостоятельные действия, чтобы защитить безопасность военнослужащих, членов их семей, системы жизнеобеспечения войск, вооружения и техники, без чего вооруженные силы не могут выполнять возложенные на них задачи.

Во всех таких случаях, когда армия «выходит из казарм» в мирное время, даже во имя самых гуманных целей, она занимается не своим делом. В результате этого возникает и накапливается отчуждение между армией и народом, порою вырастающее до их противостояния, что идет во вред и обществу, и вооруженным силам. Трагизм ситуации заключался в том, что речь шла об армии и флоте, оставшихся от уже несуществующего государства, которому военнослужащие присягали на верность. Их верность долгу, их честь и достоинство оказывались безадресными, либо невостребованными. Перевод части Вооруженных Сил бывшего Союза ССР под юрисдикцию новых независимых государств, осуществляемый зачастую их односторонними решениями, создал новые линии напряженности. Новые армии новых суверенных республик проходили становление в междоусобных, братоубийственных конфликтах.

Содержавшаяся на постоянно урежаемом бюджете, Российская армия столкнулась с заметным ухудшением условий жизни и быта военнослужащих.

Драматизм положения нарастал в связи с форсированным сокращением и крупными передислокациями войск. Недостаточно взвешенные, а то и ошибочные решения органов государственной власти в области внешней политики, в вопросах военного строительства и конверсии производства, привлечение армии в качестве «пожарной силы» в очагах межнациональных конфликтов вызывало негативные настроения в армейской среде. Политическая нестабильность общества, падение в нем престижа армии и воинской службы, усугубляемые непрофессиональным подходом новых властей к армейским проблемам, неоднозначно воспринимались в армейской среде. Неудовлетворенность своим социальным и материальным положением генерировало у одних ощущение обреченной безысходности, у других – подспудное, а то и открытое неприятие армейских порядков. Все более массовый характер приобретало социальное расслоение и перемещение офицеров, всего личного состава. Такое развитие событий представляло значительную опасность для общества и государства.

Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных Сил, по заданию Правительства Российской Федерации, при участии автора, провел массовые опросы генералов, офицеров, прапорщиков и мичманов во многих гарнизонах страны [7]. Целью опроса было выявление отношения различных категорий военнослужащих к социально-политической и экономической ситуации в обществе и армии в интересах предупреждения правонарушений. Исследование отношения военнослужащих к политическим и социально-экономическим процессам показало, что выявление общесоциальных ориентаций военнослужащих и их связи с правовым поведением позволяет рассматривать полученную социологическую информацию как базу определения криминологических аспектов положения армии в современном обществе [3]. При этом наибольшее значение имело установление структуры, динамики преобладающих ориентаций военнослужащих

в сфере их отношения к курсу, проводимому Правительством России, складывающейся в обществе обстановке, к гражданскому населению, исполнению служебных обязанностей.

Анализ результатов проведенного исследования показывал, что отношение к курсу Правительства Российской Федерации по выводу России из кризиса у большинства опрошенных оставалось негативным, однако наметилась тенденция к росту числа военнослужащих, поддерживающих курс руководства страны. Если в январе 1992 г. считали, что курс, проводимый Правительством России, выведет ее из кризиса, лишь 17 % опрошенных офицеров, то в мае 1993 г. – уже 25 %. Возросла положительная оценка конкретных мер руководства страны по приватизации предприятий торговли («за» – 66 %), жилья («за» – 67 %), передаче земли в частную собственность («за» – 78 %). Однако сократилось число поддерживающих приватизацию государственных предприятий («за» – 42 %). Большинство опрошенных отрицательно оценивало либерализацию цен (58%), считая ее главной причиной резкого снижения уровня жизни (88 %).

Не получила одобрения у большинства опрошенных работа Съезда народных депутатов Российской Федерации. Положительно ее оценили только 15 % опрошенных. Большинство кадровых военнослужащих не одобряло работу съезда: 32 % ценивали ее скорее отрицательно, чем положительно, 38% – отрицательно. Оставалась неизменной точка зрения кадровых военнослужащих на вопрос о том, кто должен в сложившихся условиях возглавлять Российскую Федерацию. Предпочтение отдавалось профессиональным политикам (29 %), экономистам (27 %) и хозяйственным руководителям (21 %), только 18 % считало, что Россию должен возглавлять военный.

В качестве причин дестабилизации обстановки в Российской Федерации в ближайшее время большая часть опрошенных называла общее падение уровня жизни населения (66 %), падение производства (37 %), перебои в снабжении продуктами первой необходимости (35 %),

обострение межнациональных отношений (32 %), недоверие руководству России (28 %), быстрое расслоение общества на богатых и бедных (30%), безработицу (16 %), разочарование в идеологии (8 %). В связи с этим полагали возможным возрастание роли националистических сил 43% опрошенных, демократических – 18 %, коммунистических – 10 %. Это позволяет считать, что разочарование в коммунистической идеологии наступила у значительной части военнослужащих гораздо раньше формального прекращения деятельности КПСС и организация антиправительственных выступлений может, вероятнее всего, происходить на националистической основе, прикрываемой патриотическими лозунгами.

Большинство участников опроса оценивало отношение местного населения к армии положительно. Более позитивно оценивались взаимоотношения местных гражданских и военных властей. Увеличилось число военнослужащих, которые полностью исключали возможность возникновения конфликтов между местными гражданскими властями и командованием воинских частей. Ответы на вопросы о возможности стихийных массовых выступлений свидетельствовали о снижении числа лиц, их прогнозирующих с 84 % в 1992 г. до 75 % в марте и 63% – в мае 1993 г. Если в январе 1992 г. около 30 % опрошенных ориентировалось на поддержку и участие в массовых выступлениях, то в 1993 г. их численность составила 18 %.

Офицеры в рассматриваемый период утрачивают контроль за поведением военнослужащих срочной службы, способность прогноза их возможного поведения. На вопрос – поддержат ли военнослужащие срочной службы массовые выступления, – утвердительно ответили 18 %, отрицательно – 22 %, затруднились с ответом – 60 % опрошенных офицеров. Характеризуя отношение со стороны местного гражданского населения к военнослужащим гарнизона, военнослужащие в большинстве своем (60 %) указывают на нейтральное отношение, 17 % – на хорошее и 15 % – на плохое, с небольшой положительной динамикой. На

возможность конфликтов командования воинских частей с местными гражданскими властями ориентировалось около 24 % опрошенных, на их малую вероятность – около 53 %.

Число военнослужащих, ориентированных на выполнение распоряжений законно избранной власти России, при любом развитии событий, возросло с 38 % в 1992 г., до 43 % в мае 1993 г., около 25 % ответили отрицательно, а около 36 % затруднилось с ответом. Это свидетельствовало о неустойчивости позиции значительной части офицеров в ситуациях, требующих точного следования военной присяге, воинскому долгу. Возможность неповиновения армии Правительству Российской Федерации в кризисной ситуации участники опроса объясняли следующими причинами: возможным преобладанием национально-патриотических чувств над здравым смыслом; недоверием к руководству страны и отсутствием у него четкой программы; нежеланием идти против своего народа в случае нарушения Конституции России; недостаточной заботой об армии.

Сложившееся в Вооруженных Силах положение в значительной степени можно было объяснить тем, что решение военных вопросов на встречах глав государств СНГ не удовлетворяло кадровых военнослужащих. Так, результаты встреч в Москве – Минске – Киеве положительно оценили только 3 % опрошенных, а большинство (65%) считали их неудовлетворительными. Во многом, по мнению опрошенных, это объяснялось нежеланием отдельных руководителей государств СНГ выполнять ими же принимаемые решения (65%) и отсутствием механизма их реализации (41%). Поэтому большинство кадровых военнослужащих не надеялись на позитивное решение актуальных жизненно важных вопросов. Следствием этого стал рост посягательств на порядки подчиненности, случаев неповиновения, на наличие которых указывало около 36 % опрошенных. На возможность неповиновения приказам командования отдельных воинских подразделений и частей указывало в марте 1993 г. около 35 %, в мае – 25 % опрошенных.

Хотя в рассматриваемый период несколько уменьшилось число офицеров, желающих уволиться в запас, около 35 % полагало, что если им будет предоставлено такое право, то они им воспользуются. Речь при этом шла, как правило, о молодых офицерах. Большинство офицеров желало продолжать военную службу в Российской армии (66%), часть в Объединенных Вооруженных Силах СНГ – 25 %, а остальные – в армиях других государств. В связи с этим около 80 % опрошенных офицеров поддерживали решение о создании Министерства обороны Российской Федерации. Характерно, что в отношении позиции 14-й армии в конфликте между Молдовой и Приднестровьем около 40 % опрошенных офицеров считали необходимым ее нейтралитет, 34 % – стать разъединяющей силой, 23 % – вывод армии из зоны конфликта.

Исследованием были выявлены преобладающие суждения военнослужащих о соответствии сложившейся практики общественной и государственной жизни, потребностям развития страны. Большинство военнослужащих считали, что потребностям прогрессивного развития России мешали монополия товаропроизводителей, номенклатурный подбор и расстановка кадров, ограничения свободы информации. Осознание обществом невозможности решить накопившиеся социально-экономические проблемы старыми методами обусловило, по мнению 52 % опрошенных военнослужащих, необходимость перестройки.

Неоднозначными были суждения военнослужащих о достижении результатов в ходе идущей перестройки. Признавая высвобождение творческой, созидательной энергии людей и повышения в связи с этим престижа страны на мировой арене, большинство военнослужащих отмечали, что это не привело к социальной защищенности личности, очищению государственных структур от негативных явлений и повышению жизненного уровня людей. Около половины опрошенных считали, что перестройка повлияла на изменение их образа жизни. При этом лишь около 30 % респондентов считали, что перестройка не оправдывает их ожиданий, тогда как более 50 % считали, что

хотя пока и не оправдывает, но оправдает в будущем. Таким образом, несмотря на явные трудности перестройки, большинство военнослужащих ее поддерживали и с оптимизмом смотрели в будущее. Свыше половины опрошенных военнослужащих считали виновными в повседневных трудностях в сложившейся жизненной ситуации общественный строй Советского государства во главе с КПСС. При этом, оценивая преобладающие настроения людей из ближайшего окружения, около половины опрошенных указывали на усталость от затянувшихся разговоров и требование перейти к действиям, растущее убеждение в том, что пусть будет меньше демократии, но больше порядка. Около 25 % опрошенных считали, что перспективы развития нашего общества не ясны, столько же опрошенных из числа офицеров и около 50 % военнослужащих срочной службы считали, что в будущем появится строй, соединяющий лучшие черты социализма и капитализма.

Вместе с тем, около 20 % офицеров связывали перспективы нашего развития с социализмом, освобожденным от деформаций. Вероятность преодоления сложившейся в стране кризисной ситуации, в ближайшие год-два, оценивали как маловероятную около 80 % офицеров и 50 % военнослужащих срочной службы. При этом наиболее значимыми мерами по выходу из кризисной ситуации офицеры считали активное проведение экономической реформы – 52 %, военнослужащие срочной службы – ужесточение ответственности за нарушение трудовой и производственной дисциплины – 46 %. Очевидно, в этих суждениях выражался приобретенный опыт офицеров, не уповающих на силу принуждения в сфере хозяйственной деятельности; солдат, ориентирующихся на командный стиль управления, как наиболее простой, по их мнению. Большинство военнослужащих признавало целесообразность расширения контактов с Западом, с церковью и повышения роли средств массовой информации. Опросом офицеров было выявлено их понимание ряда новых категорий как терминологической базы нового мышления и отношения к ним. При понимании данных категорий большинством

офицеров значительной частью они поддерживались с оговорками (конверсия военного производства, плюрализм мнений, деидеологизация межгосударственных отношений) или не поддерживались (сокращение в одностороннем порядке численности Вооруженных Сил, инициатива «народной дипломатии»). Вместе с тем, более 50 % опрошенных были согласны с необходимостью движения к безъядерному, ненасильственному миру как средству преобразования облика нашей планеты, с утверждением, что наращивание военной силы не делает ни одну державу всесильной. Однако около 30 % опрошенных военнослужащих с этим были не согласны.

На существование угрозы вооруженной агрессии против нашей страны указали 70 % опрошенных офицеров и около 24 % опрошенных военнослужащих срочной службы.

Проведение специального криминологического исследования позволило сделать вывод о неоднозначном отношении военнослужащих, в том числе офицеров, к важнейшим понятиям, определяющим их отношение к правовому поведению в юридически значимых экстремальных ситуациях.

События осени 1993 г. в России завершили политический кризис в нашей стране. В его основе лежало противостояние между двумя политическими силами: с одной стороны – Президентом России Б.Н. Ельциным, Правительством России во главе с В.С. Черномырдиным, мэром Москвы Ю.М. Лужковым, рядом региональных руководителей и частью депутатов Верховного Совета – сторонниками Б.Н. Ельцина; с другой стороны – руководством и большей частью депутатов Верховного Совета и Съезда народных депутатов во главе с Р.И. Хасбулатовым, а также вице-президентом России А.В. Руцким и некоторыми другими представителями законодательной власти. Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» был распущен российский парламент – Верховный Совет, а вся полнота власти была передана главе государства, т. е. самому

Б.Н. Ельцину. Конституционный Суд Российской Федерации 21 сентября 1993 г. пришел к заключению о несоответствии Указа Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и его Обращения к гражданам России 21 сентября 1993 г. нормам действовавшей Конституции Российской Федерации и наличии оснований для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от должности [2]. Верховный Совет Российской Федерации 22 сентября 1993 г. постановил осудить антиконституционные действия Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, констатировать прекращение полномочий Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и переход полномочий Президента Российской Федерации к вице-президенту Российской Федерации А.В. Руцкому, принять законные меры по охране правопорядка [1].

В сентябре-октябре 1993 г. Президент России Б.Н. Ельцин (представитель исполнительной власти) предпринял насильственные действия (разгон) в отношении Верховного Совета Российской Федерации (законодательный орган государства) с применением военной силы. Кульминацией этого конституционного кризиса в России стало вооруженное кровопролитное столкновение 3–4 октября 1993 г. в центре Москвы и возле телецентра «Останкино» и последующий захват специальными подразделениями, подчиненными Б.Н. Ельцину, Дома Советов России («Белого дома»), что привело к большому числу жертв среди сторонников Верховного Совета, включая и гражданское население. Российская армия, парализованная выжидательной позицией военного командования и инерцией воинского повиновения, безмолвствовала, оставаясь в казармах. Наступал этап деформации ее внутреннего и внешнего состояния в условиях трансформации общества и приоритетов внутренней и внешней политики нового руководства страны.

В настоящее время, в условиях глобализации, экономической и военной экспансии со стороны США и их союзников

по переделу мировых ресурсов, представляется необходимым признать реальность геополитических и геостратегических проблем современного мира, ибо разрядка в мире не приобрела ни всестороннего, ни необратимого характера. Современная обстановка в мире и нашей стране это подтверждает. Именно поэтому необходимо признание армии как института, без которого становятся проблематичными суверенитет, государственность и сама демократия. Признание практической значимости ретроспективного рассмотрения полученной в 1991–1993 гг. информации ориентирует на необходимость в современных условиях регулярного получения, анализа и использования научно достоверной информации о состоянии правосознания и общественного мнения военнослужащих в интересах предупреждения правонарушений в армии и на флоте. Представляется, что своевременное выявление общественного мнения военнослужащих крайне необходимо для принятия решений, которые могут быть поняты и приняты армией [4].

Полученная информация свидетельствует о наличии связи общесоциальных ориентации военнослужащих с установками на правовое поведение и их криминологической значимости, необходимости адекватных средств формирования позитивного отношения военнослужащих к законопослушному поведению. Такими средствами являются нормативно-правовое регулирование положения военнослужащих, поддержание на оптимальном уровне их социальной защиты и материального обеспечения, своевременное информирование военнослужащих о перспективах их дальнейшего использования, реальная качественная реорганизация Вооруженных Сил Российской Федерации. Проведенное исследование отношения военнослужащих к социально-политической и экономической ситуации в обществе и армии как фактора их поведения позволяет сделать вывод о необходимости организации системы регулярного изучения его состояния и целенаправленного использования полученной информации для предупреждения правонарушений

военнослужащих в интересах национальной безопасности [5].

Рассмотрение с криминологических позиций военно-политологических вопросов положения военнослужащих в современном обществе позволяет сделать определенные выводы:

- в условиях нарастания экономических, политических и социальных трудностей и роста преступности в нашем государстве и его Вооруженных Силах возникает угроза одному из основных институтов государственности, каким являются Вооруженные Силы;

- Вооруженные Силы должны стать департизированной опорой конституционного строя и одним из основных факторов стабилизации общества;

- необходимыми условиями становления Российской армии как правой армии правового государства и плацдарма правопорядка в обществе являются осуществление военно-правовой реформы, выявление, ослабление и устранение криминогенных факторов военной службы и профилактика преступлений и правонарушений военнослужащих;

- укрепление законности и правопорядка в армии и декриминализация обстановки в ней является необходимым условием декриминализации общества; выявление общесоциальных ориентаций военнослужащих и их связи с правовым поведением позволяет рассматривать полученную социологическую информацию как базу определения криминогенных факторов и предупреждения правонарушений;

- регулярный репрезентативный мониторинг правосознания военнослужащих на познавательном, оценочном и регулятивном уровнях является необходимой формой обеспечения достоверности оценки состояния, прогноза и противодействия преступности.

Представляется, что использование рассмотренного подхода, комплексное изучение правосознания и общественного мнения военнослужащих в современных условиях, его учет и реализация могут способствовать оптимизации и результативности формирования современного облика Вооруженных Сил Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О неотложных мерах по преодолению государственного переворота 21 сентября 1993 года: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 22 сент. 1993 г. № 5790-1 // Рос. газ. – 1993. – 23 сент.

2. О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года [Электронный ресурс]: заключение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 сент. 1993 г. № 3–2. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=4407#0>.

3. Дамаскин О.В. Криминологические проблемы правовой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994.

4. Дамаскин О.В. Методология и методика изучения правосознания и общественного мнения военнослужащих. – М., 2011. – 319 с.

5. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: моногр. – М.: Пограничная акад. ФСБ России, 2016. – 432 с.

6. Поздняков З.Н. Демократизация Советских Вооруженных Сил. – М., 1992.

7. Развитие социальных процессов в Вооруженных Силах Российской Федерации / Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований. – М., 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дамаскин Олег Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: dov39@mail.ru

Defense and Security

**POSITION AND PUBLIC OPINION
OF SERVICEMEN UNDER CHANGING
SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE
IN 1991-1993**

Oleg V. DAMASKIN

Abstract. The article discusses the position and public opinion of the military personnel under changing socio-economic structure in 1991-1993. It proves the practical importance of a retrospective review of the information received at the abovementioned period of time. It shows the necessity of the regular collection, analysis and usage of reliable scientific and research data on the legal awareness and public opinion of the military personnel to prevent offenses in the army and navy in order to strengthen the defense and security of the Russian Federation.

Keywords: army and the society; legal status of servicemen; public opinion of servicemen; legal awareness of servicemen; prevention of crimes and military offenses; defense and security

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Damaskin Oleg Valer'evich, Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: dow39@mail.ru

УДК 340

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ И КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

И.Л. КАРДАШ,

доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук,
полковник начальник Центра оперативно-тактических исследований войск
национальной гвардии Российской Федерации, Москва
E-mail: ikar03@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с нормативными основами применения войск национальной гвардии Российской Федерации при выполнении задач территориальной обороны и при борьбе с терроризмом (в контртеррористической операции). Показаны роль и место войск национальной гвардии и Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в целом в данной области.

Ключевые слова: государственная и общественная безопасность; военная организация; войска национальной гвардии; территориальная оборона; контртеррористическая операция; военное положение; полномочия; ограничения

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены основные направления обеспечения государственной и общественной безопасности, в соответствии с которыми:

– совершенствуются структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ), развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций

и иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, государственную и частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность;

– укрепляется режим безопасного функционирования, повышается уровень антитеррористической защищенности организаций оборонно-промышленного, ядерного, химического, топливно-энергетического комплексов страны, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, других критически важных и потенциально опасных объектов;

– осуществляется комплексное развитие правоохранительных органов и специальных служб. [7].

В связи с этим в целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина вполне логичным является создание нового федерального органа исполнительной власти – Федеральной

службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ФСВНГ РФ, Росгвардия), одним из основных структурных элементов которой являются войска национальной гвардии Российской Федерации [8].

Создание нового федерального органа исполнительной власти стало ответом на появление новых угроз Российскому государству как внутреннего, так и внешнего характера, оно вызвано необходимостью объединения в единой структуре элементов, обеспечивающих государственную и общественную безопасность страны, и является логическим продолжением исторического опыта развития войск правопорядка.

Современные войска национальной гвардии Российской Федерации (далее – войска национальной гвардии, войска, ВНГ РФ) являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. А вошедшие в их состав ОМОНЫ и СОБРы, органы и подразделения вневедомственной охраны и лицензионно-разрешительной работы позволили сформировать мощную структуру, способную решать законодательно возложенные задачи.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 31 мая 1996 г. «Об обороне» войска национальной гвардии привлекаются к обороне государства [2], а в качестве задач для них определены:

в мирное время:

- охрана и оборона важных государственных и военных объектов, объектов на коммуникациях и специальных грузов;
- борьба с терроризмом на территории Российской Федерации;
- подготовка к проведению мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне;

– участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;

– участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций;

– участие в обеспечении режима чрезвычайного положения.;

в условиях непосредственной угрозы агрессии:¹

– участие в обеспечении режима военного положения;

– осуществление мероприятий по территориальной обороне;

в военное время: отражение агрессии против Российской Федерации [6].

Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» определены задачи, к выполнению которых могут быть привлечены войска национальной гвардии:

– поддержание особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней;

– участие в спасении и эвакуации населения, проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ, борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями;

– охрана военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды;

– пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), террористической и диверсионной деятельности;

– охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

¹ Условия непосредственной угрозы агрессии характеризуются созданием предпосылок для ее осуществления, а военного времени – началом ведения военных действий против Российской Федерации.

– участие в проведении иных мероприятий по обеспечению режима военного положения.

Кроме того, этим же законом определены полномочия ФСВНГ РФ в области обеспечения режима военного положения в пределах компетенции, а также полномочия в области реализации мер и ограничений, в числе которых:

– усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды;

– ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра;

– запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток и предоставление федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам военного управления права при необходимости осуществлять проверку документов, удостоверяющих личность граждан, личный досмотр, досмотр их вещей, жилища и транспортных средств, а по основаниям, установленным федеральным законом, – задержание граждан и транспортных средств. При этом срок задержания граждан не может превышать 30 суток;

– ряд других [1].

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ и Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157, задача по участию в территориальной обороне Российской Федерации определена для ФСВНГ РФ и войск национальной гвардии Российской Федерации, входящих в ее состав, в качестве одной из основных [4; 8].

При этом Положением о территориальной обороне Российской Федерации на Министерство внутренних дел Российской Федерации возложена ответственность за охрану объектов, подлежащих обязательной охране полицией, охрану внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации важных государственных объектов, специальных грузов и объектов на коммуникациях, включенных в соответствующие перечни, утверждаемые Правительством Российской Федерации, участие в пресечении деятельности диверсионно-разведывательных формирований иностранных государств и НВФ вблизи охраняемых объектов [5].

С учетом создания ФСВНГ РФ, входением в ее состав соответствующих подразделений из состава Министерства внутренних дел РФ, данная задача также относится к компетенции Росгвардии.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», подразделения и органы ФСВНГ РФ могут включаться в состав группировки сил и средств, создаваемой для проведения контртеррористической операции (далее – КТО) по решению ее руководителя. При этом руководителем КТО, осуществляющим единое управление силами и средствами, является руководитель (должностное лицо) ФОИВ в области обеспечения безопасности, а все военнослужащие, сотрудники и специалисты, привлекаемые для проведения КТО, с момента ее начала и до окончания находятся в его непосредственном подчинении [3].

Также в пределах территории проведения контртеррористической операции на период ее проведения может вводиться правовой режим КТО, в рамках которого могут применяться меры и временные ограничения, которые тоже относятся к компетенции ФСВНГ РФ:

– проверка у физических лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов – доставление указанных лиц в органы

внутренних дел Российской Федерации (иные компетентные органы) для установления личности;

- усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, а также объектов, имеющих особую материальную, историческую, научную, художественную или культурную ценность;

- ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах;

- беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещениях организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом;

- проведение при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотра транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств;

- ряд других [3].

Анализ нормативной базы, регламентирующей участие ФСВНГ РФ (войск национальной гвардии) в обороне страны, подтверждает, что задача по участию в территориальной обороне для них определена в прямой постановке. Кроме того, и другие задачи войск национальной гвардии по своему содержанию непосредственно связаны с реализацией цели и выполнением мероприятий территориальной обороны:

- охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;

- участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;

- участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;

- федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны;

- охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам [4].

При этом необходимо учитывать и то обстоятельство, что войска национальной гвардии, сформированные на базе внутренних войск МВД России, имеют значительный опыт выполнения задач, подобных задачам территориальной обороны, как в ходе повседневной служебно-боевой деятельности, связанной с охраной объектов, так и в ходе выполнения задач по борьбе с терроризмом в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации.

Вместе с тем, нельзя не отметить и некоторые проблемные вопросы в данной сфере.

Прежде всего: поскольку территориальная оборона разворачивается и ведется на территории, на которой введен режим военного положения, очевидно, что важнейшее место в деятельности территориального органа Росгвардии должны занимать задачи, связанные с обеспечением именно этого режима.

При этом, если ранее обеспечение режима военного положения являлось

одной из задач территориальной обороны, то в настоящее время это основное условие функционирования данной системы. В связи с этим, участие в установлении и обеспечении режима военного положения должно относиться к деятельности территориального органа Росгвардии (в рамках компетенции). Между тем в существующая нормативная база этот вопрос охватывает не в полной мере.

Если вести речь о контртеррористической операции, то участие в ней территориального органа предусмотрено в рамках выполнения задачи – организация участия органов и подразделений в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

При выполнении данной задачи территориальный орган осуществляет полномочия по организации участия подчиненных органов и подразделений в мероприятиях по противодействию терроризму, обеспечении правового режима контртеррористической операции и борьбе с экстремизмом.

Данная формулировка содержит в себе определенное противоречие: в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии терроризму», борьба с терроризмом является элементом деятельности по противодействию терроризму (наряду с предупреждением терроризма и минимизацией и (или) ликвидацией последствий проявлений терроризма), и заключается в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта [3].

При этом в рамках КТО осуществляется пресечение террористического акта, обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также минимизация последствий террористического акта.

Другими словами, полномочия территориального органа Росгвардии, сформулированные в Положении, выходят за рамки соответствующей задачи, а их

реализация требует соответствующего обеспечения – нормативного, кадрового, ресурсного.

Проведенные исследования показали, что решение многих проблемных вопросов, связанных с функционированием системы территориальной обороны, лежит в области закрепления ведущей роли в ее подготовке и ведении за военной организацией, отвечающей следующим требованиям:

- соответствие предназначения и задач целевой установке и мероприятиям территориальной обороны;

- наличие развернутой системы управления, готовой к переводу на режимы работы, соответствующие складывающейся обстановке;

- наличие сил и средств, способных выполнять служебно-боевые задачи как в области правоохранительной деятельности, так и по пресечению деятельности (разгрому) противника, оказывающего вооруженное сопротивление;

- наличие территориальной системы подразделений и органов;

- способность приступить к выполнению задач немедленно, реализуя принцип упреждения противника в действиях.

Кроме того, накопленный опыт свидетельствует о значительной роли, которую в решении задач (выполнении мероприятий) территориальной обороны играют иррегулярные формирования (на примере Великой Отечественной войны – истребительные батальоны). В связи с этим данная организация должна быть готова к осуществлению управляющей функции по отношению и к иррегулярным компонентам.

Таким образом, существующая в государстве нормативная база, регламентирующая вопросы функционирования системы территориальной обороны и контртеррористической операции, создает достаточную правовую основу деятельности ФСВНГ РФ в рассматриваемых условиях. Для Росгвардии определены задачи и предоставлены полномочия для их выполнения, позволяющие

подразделениям и органам осуществлять свою деятельность с необходимой эффективностью в рамках правового поля. А проблемные вопросы, возникающие в ходе реализации задач и полномочий, будут решаться в рамках дальнейшего развития и совершенствования нормативной базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О военном положении [Электронный ресурс]: федер. конституц. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/184121/>.

2. Об обороне [Электронный ресурс]: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.), ст. 22. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/135907/>.

3. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12145408/>.

4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71433920/>.

5. Положение о территориальной обороне Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 1 июля 2014 г. № 482.

6. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 25 дек. 2014 г. № Пр-2976. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70830556/>.

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/>.

8. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 5 апр. 2016 г. № 157. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71368610/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

*Кардаш Игорь Леонидович, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук, полковник, начальник Центра оперативно-тактических исследований войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва. 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 9а
E-mail: ikar03@mail.ru*

Defense and Security

REGULATORY BASIS FOR THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO PARTICIPATE IN THE TERRITORIAL DEFENSE AND COUNTER-TERRORIST OPERATIONS

Igor L. KARDASH

Abstract. The article discusses the issues of the regulatory basis for the National Guard Troops of the Russian Federation when performing territorial defense and counter-terrorist operations. It shows the role and place of the National Guard Troops and the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in this field.

Keywords: state and public security; military organization; National Guard Troops; territorial defense; counter-terrorist operation; martial law; powers; limitations

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kardash Igor Leonidovich, Dr. Sc. (Military), Professor, Member of the Academy of Military Sciences, Colonel, Head of the Center of Tactical Research of the National Guard Troops of the Russian Federation.

*9a Krasnokazarmennaya Str., Moscow, 111250, Russian Federation
E-mail: ikar03@mail.ru*

УДК 343.137

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

И.А. СЛОБОДАНЮК,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса

E-mail: slobodanuk1@rambler.ru

Военный университет, Москва

Аннотация. В статье приводится обоснование необходимости введения дознания в сокращенной форме, рассматриваются вопросы об условиях и достаточности основания проведения данного вида предварительного расследования, о сужении пределов досудебного доказывания, на основе анализа практики применения уголовно-процессуального законодательства подробно освещаются порядок и особенности осуществления указанного вида дознания.

Ключевые слова: оперативное расследование уголовных дел; дознание в сокращенной форме; дознание в общем порядке; предварительное расследование; сужение пределов доказывания; обвинительное постановление

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 23-ФЗ), вступившим в силу с 15 марта 2013 г., в уголовно-процессуальное законодательство введены понятия и правила производства дознания, производимого в общем порядке, и дознания, производимого в сокращенной форме. По истечении трехлетнего периода действия новых норм, есть основания провести их комплексный анализ, учитывая сложившуюся практику.

Следует заметить, что правила производства дознания в общем порядке полностью соответствуют правилам производства дознания, действовавшим до принятия указанного Закона. Вместе с тем, порядок производства дознания в сокращенной форме в настоящее время регламентируется гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», внесенной в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) указанным Законом.

Очевидно, что введение нового вида дознания в сокращенной форме вызвано объективной необходимостью оперативного расследования уголовных дел, не требующих следственных и процессуальных действий, связанных с предъявлением обвинения и является очередным шагом к повышению эффективности работы правоохранительных органов. Такой упрощенный порядок расследования уголовных дел экономит время и затраты на решение задач уголовного судопроизводства.

При производстве данного вида предварительного расследования орган дознания вправе производить любые следственные, а равно иные процессуальные действия, принимать необходимые процессуальные решения. При этом он руководствуется правилами, установленными УПК РФ для предварительного следствия, за некоторыми исключениями.

Среди трех необходимых условий производства дознания в сокращенной форме главное значение имеет признание подозреваемым своей вины, характера и размера ущерба, причиненного преступлением, а также квалификации содеянного, содержащихся в постановлении о возбуждении уголовного дела, протоколе задержания или постановления о применении меры пресечения – т. е. в актах, с которых начинается уголовное преследование конкретного лица и которые определяют его процессуальное положение. Соответственно такое признание освобождает орган дознания от необходимости состязаться со стороной защиты и опровергать ее позицию и доводы. Признание вины является необходимой предпосылкой для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и сокращает объем процессуальной деятельности по доказыванию.

Любая форма предварительного расследования начинается после возбуждения уголовного дела. Дознание в сокращенной форме формально начинается с момента вынесения постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме.

Наличие любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 226.2 УПК РФ, исключает производство дознания в сокращенной форме и в ходатайстве подозреваемому о применении такой формы дознания должно быть отказано.

Перечень таких обстоятельств является исчерпывающим:

- 1) подозреваемый является несовершеннолетним;
- 2) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера;
- 3) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства;
- 4) лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 статьи 150 УПК РФ;
- 5) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- 6) потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме. (Здесь следует иметь в виду, что

потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме, тогда, когда он заявил об этом). Для того чтобы констатировать наличие данного обстоятельства, необходимо чтобы он письменно или же хотя бы устно в ходе производства процессуального действия заявил о том, что он возражает против производства дознания в сокращенной форме.

Если обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, обнаружались или возникли уже после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель, прокурор или судья (в зависимости от того, у кого в данный момент находится дело) независимо от позиции стороны защиты обязаны руководствоваться ч. 2 данной статьи.

В соответствие с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» при осуществлении надзорной деятельности прокуроры должны внимательно оценивать достаточность оснований для производства дознания в сокращенной форме, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, акцентируя внимание на вопросах, связанных с признанием подозреваемым вины, размера и характера причиненного преступлением вреда, а также его отношением к квалификации содеянного.

При выявлении обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, или несоблюдении условий его производства прокуроры обязаны выносить постановление об отмене незаконного или необоснованного постановления дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме, в котором должны также содержаться мотивированные указания о производстве дознания в общем порядке.

Если в ходе судебного производства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора становятся известны или возникают обстоятельства, предусмотренные п. 4 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ (т.е. лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 статьи 150 УПК РФ), судья возвращает

уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства предварительного следствия.

Лицо, в отношении которого уголовное преследование осуществляется на основе материалов дознания в сокращенной форме, а равно потерпевший и его представитель вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора своим заявлением на основании ст. 226.3 УПК РФ вправе объявить несостоятельными или недостаточными эти материалы как основание для предания суду и судебного разбирательства и потребовать производства дознания в обычной форме.

В соответствии с вышеназванным приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2013 г. прокуроры в ходе изучения материалов уголовного дела обязаны акцентировать внимание на обеспечении в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ права потерпевшего на доступ к правосудию в разумный срок, исходя из того, что согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя (следователя).

Следует отметить, что ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке может быть заявлено лишь на стадии предварительного расследования. На судебных стадиях, в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора обвиняемый, потерпевший или его представитель могут возражать против применения особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. В этом случае судья руководствуется требованиями ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Законодатель прямо запретил судье в рассматриваемой ситуации выносить постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

В ч. 5 ст. 226.3 УПК РФ содержится норма, которая должна применяться во взаимосвязи с п. 6 ч. 1 ст. 226.2 и ч. 1 и 5

ст. 226.9 УПК РФ, устанавливающих, что возражение потерпевшего против дознания в сокращенной форме является процессуальным препятствием для такого досудебного производства, но не является основанием для рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции в особом порядке, установленном ст.ст. 316 и 317 УПК. Таким образом, если потерпевший не возражал против сокращенной формы дознания, но в суде заявил о своем возращении против особого порядка судебного производства, суд не обязан отказаться от рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Дознаватель должен предупредить об этом потерпевшего перед началом дознания.

Когда адвокат подписывает ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ), он наравне с подозреваемым берет на себя ответственность за принятое решение. Это означает, что на начальной стадии производства защитник, не знакомясь с материалами дела, не зная установленных обстоятельств, выражает согласие и с тем фактом, что событие преступления имело место быть, и с тем, что вина его доверителя доказана, характер и размер причиненного вреда установлен, квалификация деянию дана верно, исключен самооговор доверителя.

Учитывая необходимость соблюдения адвокатом требований уголовно-процессуального законодательства и норм профессиональной этики, а также тот факт, что законодатель не относит защитника к числу лиц, от имени которых заявляется ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, адвокат, по существующей практике, не подписывает данное ходатайство, а сопровождает его надписью: «ходатайство заявлено в присутствии защитника», тем самым удостоверяя лишь факт обеспечения реализации доверителем права на защиту, на получение квалифицированной помощи и право выбора формы производства по уголовному делу.

В случае возникновения сомнений в обоснованности производства дознания в сокращенной форме адвокат обязан указать на них дознавателю и разъяснить подозреваемому его право заявить ходатайство о продолжении производства дознания в общем порядке.

Упрощение досудебного производства по уголовному делу не может ни отменить, ни изменить основополагающих правил о едином предмете доказывания, установленном ст. 73 УПК РФ и освободить дознавателя от обязанности представить суду все необходимые доказательства, подтверждающие наличие каждого из элементов, входящих в предмет доказывания.

Упрощение и сокращение уголовно-процессуальной деятельности может иметь место за счет сужения пределов доказывания, количества, но не качества доказательств, привлекаемых для установления предмета доказывания.

Предусмотренное п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ право дознавателя не проверять не оспариваемые сторонами доказательства, не допрашивать тех, у кого в ходе доследственной проверки получены письменные объяснения (п. 2 ч. 3 статьи 226.5 УПК РФ), не назначать экспертизу для проверки уже полученных письменных заключений специалистов (п. 3 ч. 3 статьи 226.5 УПК РФ), и не производить следственные действия для проверки не оспариваемых фактических данных, содержащихся в документальных материалах доследственного производства по поводу заявлений и сообщений о преступлениях (п. 4 ст. 226.5 УПК РФ), – это и есть сужение пределов досудебного уголовно-процессуального доказывания, компенсируемого сотрудничеством стороны защиты с дознанием и бесконфликтностью соответствующего доказательства, которое никем не оспаривается.

Сужение пределов доказывания сопряжено со значительным простором личного усмотрения дознавателя, который самостоятельно решает вопрос о возможности существенного уменьшения процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу, что, в свою очередь, повышает его ответственность за достоверность каждого доказательства. В соответствии с Федеральным законом № 20-ФЗ, которым УПК РФ дополнен главой 32.1 о дознании в сокращенной форме, в ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) об ответственности за фальсификацию доказательств внесены существенные изменения. Так, максимальное наказание за фальсификацию доказательств дознавателем по уголовному делу о

преступлении, не относящемся к категории тяжких и особо тяжких, предусматривает до 5 лет лишения свободы.

Заслуживает внимания, что предусмотренный в ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ срок дознания в сокращенной форме, продленный прокурором до 20 суток, не может быть продлен никем и ни при каких обстоятельствах. Он может только войти в срок дознания, которое, если это требуется, будет производиться в общем порядке (ст. 223 УПК РФ), или войти в срок предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ).

При поступлении от дознавателя постановления о продлении срока после 24 часов с момента истечения 15 суток, отведенных для производства дознания в сокращенной форме, прокурор должен принимать решение об отказе в продлении данного срока и продолжении производства по уголовному делу в общем порядке.

Обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела вправе заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления. Иначе говоря, когда пробела в доказательствах, собранных в объеме, достаточном для установления соответствующего предмета доказывания, нет, ходатайство в порядке п. 2 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ заявлено быть не может. В ходатайстве должно быть указано какой именно (в чем он проявляется) пробел в доказательствах следует устранить путем производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий.

Признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснования вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление. Обвинительное постановление – итоговый процессуальный документ, которым завершается дознание в

сокращенной форме. Он является аналогом обвинительного акта при производстве дознания в общей форме (ст. 225 УПК РФ) а также аналогом обвинительного заключения при производстве предварительного следствия по уголовному делу (ст. 220 УПК РФ).

В отличие от обвинительного заключения обвинительное постановление еще до направления материалов сокращенного дознания прокурору представляется дознавателем обвиняемому и его защитнику вместе с уголовным делом для ознакомления. С момента вынесения такого обвинительного постановления подозреваемый приобретает статус обвиняемого.

Потерпевший и (или) его представитель знакомятся с обвинительным постановлением и материалами дела при наличии соответствующего ходатайства.

Материалы дознания рассматриваются прокурором либо судом только после утверждения обвинительного постановления начальником органа дознания.

При утверждении обвинительного постановления в случае неподтверждения материалами уголовного дела отдельных пунктов обвинения либо неправильной квалификации и необходимости переквалификации на менее тяжкий состав преступления прокурор выносит соответствующее процессуальное решение, уведомляя о нем заинтересованных лиц.

При поступлении уголовного дела с обвинительным постановлением прокуроры обращают внимание на соответствие его содержания требованиям, перечисленным в п.п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, а также на достаточность данных в прилагаемой к нему справке, зафиксированных в соответствии с ч. 10 ст. 226.7 УПК РФ.

В случае несоответствия обвинительного постановления требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом, прокуроры обязаны возвращать его органу дознания для пересоставления в срок не более двух суток.

Прокурор в ходе изучения поступивших к нему материалов уголовного дела должен тщательно проверять соответствие выводов органов дознания установленным при производстве дознания в сокращенной форме обстоятельствам, содержащимся в материалах уголовного дела. При этом необходимо особо исследовать вопросы о наличии объективных

данных, подтверждающих виновность и исключающих самооговор обвиняемого, о соблюдении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе права на защиту, о рассмотрении в полном объеме заявленных обвиняемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем ходатайств, предусмотренных п.п. 1–3 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ.

В соответствии с вышеназванным приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2013 г. № 262 при проверке законности постановлений о возбуждении уголовного дела и производстве дознания в сокращенной форме прокуроры должны оценивать правильность квалификации содеянного, в том числе с целью исключения ее необоснованного занижения. В случае несогласия с ней отменять соответствующее процессуальное решение с одновременным письменным указанием о производстве расследования в общем порядке.

В целях пресечения искусственного создания оснований для перехода на производство дознания в сокращенной форме прокурор обязан не допускать необоснованного выделения материалов уголовного дела в отношении конкретного лица в отдельное производство, а также незамедлительно реагировать на несвоевременное соединение уголовных дел в отношении одного и того же лица при наличии к тому законных оснований.

В случае выявления прокурором обстоятельств, препятствующих направлению уголовного дела в суд, предусмотренных п. 3 ч. 1. ст. 226.8 УПК РФ, он выносит постановление о направлении его дознавателю для производства дознания в общем порядке.

Статья 226.9 УПК РФ примечательна тем, что допускает досудебное и судебное производство по уголовному делу в особом упрощенном и ускоренном порядке. В силу указанных обстоятельств особое значение приобретают основополагающие принципы уголовного процесса, а также профессионализм, нравственные и моральные качества дознавателя, прокурора, а главное – судьи.

При назначении наказания осужденному, который ходатайствовал, о производстве дознания в сокращенной форме, и, полностью признавая свою вину, тем самым сотрудничал с таким дознанием,

предусмотрена значительная льгота. По обвинительному приговору суда ему должно быть назначено наказание, не превышающее одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Наказание назначается в соответствии с правилами, предусмотренными ч. 5 ст. 62 УК РФ в редакции, внесенной Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

На не вступивший в законную силу приговор, постановленный в соответствии со ст. 226.9 УПК РФ, не может быть подана жалоба или представление прокурора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре фактическим обстоятельствам уголовного дела. Жалоба или представление прокурора могут быть поданы только по следующим основаниям:

- нарушения уголовно-процессуального закона;
- неправильного применения уголовного закона;
- несправедливости приговора.

Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения органами дознания позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о том, что производство дознания в сокращенной форме способствует сокращению сроков расследования и упрощению досудебного производства по уголовным делам и перспектива его применения в дальнейшем очевидна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70326874/>.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июля 2013 г. № 262. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70342268/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободанюк Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: slobodanuk1@rambler.ru

Law and Order

FEATURES OF BRIEF INQUIRY

Igor' A. SLOBODANYUK

Abstract. The article provides the rationale for the introduction of the brief inquiry, raises the issues concerning the conditions and the adequacy of this type of the preliminary investigation, narrows the limits of the pre-trial evidence. The article analyzes criminal procedure to cover in detail the procedure and the characteristics of this specified type of inquiry.

Keywords: prompt investigation of criminal cases; brief inquiry; general inquiry; preliminary investigation; narrowing the limits of the evidence; indictment

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Slobodanyuk Igor' Aleksandrovich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department of Criminal Proceeding of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: slobodanuk1@rambler.ru

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПО ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАЙОНАХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

К.З. ШХАГАПСОВЕВ,

капитан юстиции, адъюнкт кафедры криминалистики

E-mail: kant615@ya.ru

Военный университет, Москва

Аннотация. В статье автор рассматривает возможности применения технических средств в условиях боевой обстановки и повышенной опасности. Предложены изменения действующего законодательства в части проведения следственных процедур при наличии опасности для жизни и здоровья участвующих лиц в сторону упрощения производства отдельных следственных действий.

Ключевые слова: технические средства; вооруженный конфликт; доказательственная информация; следственные действия, преступление

Расширение спектра угроз территориальной целостности Российской Федерации в результате внутренних вооруженных конфликтов объективно ведет к более широкому привлечению Вооруженных Сил Российской Федерации для защиты российского федерализма (вооруженный конфликт в Чеченской Республике в 1994–1996 гг., контртеррористические операции в Северо-Кавказском регионе в 1999–2008 гг. и Сирийской Арабской Республике в 2015–2016 гг.), а также граждан Российской Федерации (грузино-югоосетинский вооруженный конфликт в 2008 г.).

Новые экстремальные обстоятельства потребовали от военных следственных органов активно искать адекватные организационно-правовые формы деятельности, так как обычная организация работы военных следственных органов, их система и порядок расследования преступлений в районах вооруженного конфликта не всегда приемлема. Производство следственных действий в районах вооруженного конфликта также отличается существенными особенностями, определяемыми экстремальными условиями их проведения. Вследствие этого в современных условиях военные следственные органы заинтересованы в активном использовании возможностей правовой науки, в том числе криминалистики, для теоретического осмысления проблем расследования преступлений в районах вооруженного конфликта и разработки комплекса научно-практических криминалистических положений и рекомендаций по оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта.

Проверки сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел о совершенных преступлениях производят в большинстве случаев управление по расследованию преступлений, связанных

с применением запрещенных средств и методов ведения войны, созданное в 2014 г. в составе Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, во взаимодействии с иными подразделениями центрального аппарата и военными следственными органами Следственного комитета, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, МИДом России и другими компетентными органами Российской Федерации.

Собирание и проверка доказательственной информации по уголовным делам производится на территории Российской Федерации, при необходимости собирания и проверки доказательственной информации, находящихся за рубежом, – строго в порядке, предусмотренном международными договорами Российской Федерации.

В последние годы внедрение в повседневную практику правоохранительных органов значительного количества технических средств самого разного назначения ускорило настолько, что действующее законодательство не успевает адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, за счет чего затрудняется использование инновационных разработок в борьбе с преступностью.

Возможность применения при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ) позволяет компенсировать недостатки человеческого восприятия, запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей в ходе расследования информации. В результате значительно повышаются эффективность и качество уголовного судопроизводства.

В УПК РФ законодатель вполне правомерно отказался от перечня технических средств. Это обусловлено тем, что в условиях научно-технического прогресса, когда постоянно появляются все новые и новые технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, просто невозможно исчерпывающе их перечислить.

Вместе с тем, по-прежнему не сформулированы на законодательном уровне общие условия использования технических средств в уголовном процессе (например, научная состоятельность, соответствие этическим требованиям, принципам и нормам уголовного судопроизводства). Не содержит закон и перечня обязательных случаев применения технических средств при производстве следственных действий. Исключениями являются фотографирование предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле (ч. 2 ст. 82 УПК РФ), а также применение звукозаписи при контроле и записи переговоров (ч. 6 ст. 186 УПК РФ).

Доказательственное значение материалов применения технических средств в ходе следственных действий рассматривается, как и ранее, в режиме приложения к протоколу (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Только фонограммы телефонных и иных переговоров приобщаются к материалам уголовного дела как вещественное доказательство (ч. 8 ст. 186 УПК РФ). Однако такое положение дел вступает во все большее противоречие с современными условиями борьбы с преступностью, практически отрицает значение технических средств в раскрытии и расследовании преступлений.

По сути, неизменными остаются процессуальные правила применения технических средств при производстве следственных действий (ч. 5 ст. 166, ч. 4 ст. 190 УПК РФ), неоправданно усложненные, громоздкие, требующие дополнительных затрат времени и за счет этого теряющие свою эффективность. Высказанные в литературе предложения по упрощению этих правил, к сожалению, не были приняты законодателем [4].

Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ внесены изменения в УПК РФ, предусматривающие возможность проведения допроса свидетеля и потерпевшего по уголовному делу путем использования конференц-связи. Допрос производится судом по месту нахождения свидетеля или потерпевшего по поручению суда, в производстве которого находится уголовное дело [1].

Соответствующие поправки внесены в ст.ст. 240 и 277 УПК РФ. Кроме того, Кодекс дополнен новой ст. 278.1 об особенностях допроса свидетелей с использованием систем конференц-связи.

В частности вновь введенная статья 278.1 УПК РФ предусматривает, что допрос свидетеля посредством систем конференц-связи производится по общим правилам УПК РФ. Суду предоставлено право проведения допроса свидетеля (потерпевшего) в специфической форме. Последние могут быть «допрошены» путем использования систем видеоконференц-связи. Данная фраза означает, что во время такого рода допроса у свидетеля (потерпевшего) могут выясняться сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о его взаимоотношениях с участниками уголовного процесса (ч. 2 ст. 78 УПК РФ).

До проведения процедуры допроса суд по месту нахождения свидетеля производит все необходимые процессуальные действия – устанавливает личность свидетеля, отбирает у него подпись о разъяснении ему прав и обязанностей и об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Подписка, а также иные документы, представленные свидетелем, направляются в суд, рассматривающий уголовное дело.

Допрос свидетеля (потерпевшего), о котором речь идет в ст.ст. 240 и 278.1 УПК РФ, – это судебное (следственное) действие, в ходе которого судом, рассматривающим уголовное дело, в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства осуществляется процесс заслушивания устной речи (реже при невозможности потерпевшим устно сообщить информацию – заслушивания переведенной в устную жестовой речи, дактилологии) свидетеля (потерпевшего), ход и результаты которого должны быть зафиксированы в соответствующем протоколе судебного заседания. В ходе допроса сам допрашиваемый находится за пределами помещения, где проходит судебное заседание. Суд в то же время видит и слышит свидетеля (потерпевшего) и может оценить его

показания (ответы на вопросы, заявления, ходатайства и т. п.).

В результате производства рассматриваемого судебного (следственного) действия формируется доказательство, именуемое показаниями свидетеля (потерпевшего). И хотя они обязательно должны фиксироваться в составляемом судом, рассматривающим уголовное дело, протоколе судебного заседания, протокол судебного заседания – самостоятельное доказательство, так же как и показания свидетеля (потерпевшего).

Законодателем право допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференц-связи предоставлено лишь суду. Соответственно следователю (дознавателю и др.) законодатель не предоставил такой возможности.

Полагаем, что аналогично данной процедуре необходимо внести поправки в УПК РФ в части проведения в исключительных случаях, в том числе боевой обстановки, допроса (повторного допроса, очной ставки) с использованием конференц-связи следственными органами. Это будет способствовать наиболее быстрому, качественному, полному и всестороннему расследованию уголовных дел и предотвратит создание опасности для жизни и здоровья участвующих в следственных действиях лиц.

В таком случае конференц-связь можно использовать между следующими участниками: следователь–свидетель, следователь–потерпевший, следователь–потерпевший–свидетель и т. п. Показания свидетеля (потерпевшего) заносятся в протокол следственного действия, который ведется следователем (дознавателем), расследующим уголовное дело, а не должностными лицами по месту нахождения свидетеля (потерпевшего). Ведение протокола судебного действия по месту нахождения свидетеля (потерпевшего) необязательно. Сведения об использовании в ходе допроса средств аудио-, видеозаписи, систем видеоконференц-связи и (или) иных технических средств должны быть отражены в протоколе следственного действия. Процессуальное оформление должно сопровождаться непрерывной видеозаписью допроса с

приложением ее результатов к протоколу следственного действия.

Перед началом допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференц-связи осуществляется следующее:

– следователь (дознатель), расследующий уголовное дело, констатирует наличие: фактических оснований для допроса данного конкретного свидетеля (потерпевшего), необходимости (фактических оснований) производства допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференц-связи;

– следователь (дознатель) принимает решение о проведении допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференц-связи.

Производство допроса путем использования систем видеоконференц-связи возможно двумя способами:

1) по поручению следователя (дознателя) по месту нахождения свидетеля (потерпевшего);

2) непосредственно со свидетелем (потерпевшим) при наличии технической возможности.

Для исполнения поручения о допросе следователь (дознатель) поручает другому органу предварительного расследования по месту нахождения свидетеля (потерпевшего) организовать проведение допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи. После допроса уполномоченные на то лица по месту нахождения свидетеля (потерпевшего) вызывают (организует привод) к себе свидетеля (потерпевшего).

Ввиду отдаленности лиц, участвующих в следственном действии, (например, военнослужащий, допрошенный в качестве свидетеля, был ранен в бою, в связи с чем переведен в другой регион для прохождения лечения) при повторном допросе либо очной ставке могут также быть допрошены с использованием систем видеоконференц-связи при условии наличия собственной электронной подписи, зафиксированной в ходе первичного допроса, и технической возможности. При этом свидетель (потерпевший) должен дать свое согласие на проведение данного следственного действия с использованием технических средств,

выразив его в подписке. При оформлении протокола электронная подпись может быть средством, удостоверяющим факт ознакомления с протоколом соответствующего следственного действия по его окончанию. Электронная подпись лица, участвующего в следственном действии, должна быть занесена в единый журнал строгой отчетности с указанием даты и времени ее использования и конкретного следственного действия, что должно предотвратить возможное незаконное ее использование в дальнейшем.

Система видеоконференц-связи может использоваться при наличии у лиц, участвующих в следственном действии, технической возможности. В соответствии с разъяснением, содержащимся в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 12, под технической возможностью понимается наличие в арбитражном суде исправной системы видеоконференц-связи и объективной возможности провести судебное заседание данным способом в пределах установленного законом срока рассмотрения дела [2]. Это разъяснение может быть использовано по аналогии.

Согласно ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело, «выносит решение» о проведении допроса свидетеля (потерпевшего) путем использования систем видеоконференц-связи, следуя логике данной дефиниции и тому факту, что в ч. 1 ст. 278.1 УПК РФ допросу с использованием коммуникаций должно предшествовать оформленное соответствующее постановление, в котором должны быть обоснованы основания ее использования, подтверждающие исключительность случая, а также условия ее проведения и сведения об используемой технике.

Также конференц-связь можно использовать при взаимодействии с экспертами по вопросу проведенной ими экспертизы, в том числе допроса.

К.С. Щедринов справедливо отметил, что в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994–1996) военные следственные органы зачастую сталкивались с проблемой несвоевременного производства судебной экспертизы, так

как в условиях боевой обстановки место совершения преступления в любой момент времени могло быть подвергнуто артиллерийскому или минометному обстрелу или же оказаться под контролем участников незаконных вооруженных формирований, а военнослужащие, подлежащие направлению на экспертизу, могли погибнуть, получить ранения или попасть в плен, что влекло за собой утрату следов преступления и затрудняло дальнейшее расследование уголовного дела [5].

Несмотря на предпринимаемые организационные меры, наибольшие нарекания следователей военных следственных органов вызывали:

- длительные сроки проведения экспертиз – 34,0%;
- финансовые расходы – 26,8%;
- порядок назначения и процесс производства экспертизы (недостаток образцов для сравнительного исследования) – 16,5%;
- недостаточный уровень квалификации экспертов – 12,4%;
- узкий спектр проводимых экспертных исследований в судебно-медицинской лаборатории военного округа – 10,3%.

При этом в первую очередь ощущался недостаточный уровень квалификации экспертов для проведения следующих видов экспертиз: а) судебно-психиатрической – 31%; б) автотехнической – 14,3%; в) баллистической – 14,3%; г) биологической – 14,3%; д) судебно-медицинского исследования трупов – 9,5%; е) почерковедческой – 9,5%; ж) психологической – 7,1% [3].

Представляется целесообразным в полной мере использовать в районах вооруженного конфликта видеоконференц-связь, что позволит сократить сроки расследования уголовных дел и будет способом минимизации влияния вышеуказанных негативных факторов на проведение следственных действий.

Проведение следственных действий в условиях существования опасности для жизни и здоровья их участников очень часто – суровая реальность современной действительности (например, на месте проведения контртеррористической

операции), но иногда другими средствами получить доказательства невозможно. На наш взгляд, в виде исключения из общего правила необходимо для подобных ситуаций предусмотреть в законе (ст. 164 УПК РФ) возможность проводить следственные действия даже при наличии опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. При этом должны соблюдаться следующие условия:

– следователь, осознающий характер и степень опасности, а также специалист и должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в случае их привлечения к участию в следственном действии должны дать на это письменное согласие;

– участие в следственном действии других участников исключается;

– на проведение следственного действия, в ходе которого его участникам может угрожать опасность для жизни и здоровья, необходимо согласие прокурора;

– следственное действие должно проводиться только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях;

– при его производстве должны применяться технические средства фиксации;

– при технической возможности допускать применение дронов (беспилотных летательных аппаратов, оснащенных средствами фото- и видеофиксации) на месте происшествия в районах с повышенным риском для жизни, в том числе в районах проведения контртеррористических операций.

В ближайшей перспективе уголовно-процессуальное законодательство потребует существенного реформирования с учетом возможности применения технических средств и материалов, получаемых с их использованием, не только как вспомогательных инструментов при расследовании и раскрытии преступлений, но и как основных средств протоколирования следственных действий.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не сформировался единый принцип использования понятий, относящихся к техническим средствам, применяемым в сфере уголовного судопроизводства. Существующий в настоящее время подход,

в соответствии с которым в круг перечисленных в законе технических средств периодически, по мере их появления, включаются все новые и новые технические средства, не может быть признан объективно обусловленным, так как он изначально предусматривает отставание уголовно-процессуального законодательства от уровня и темпов развития науки и техники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 13. – Ст. 1686.

2. О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 17 февр. 2011 г. № 12 // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2011. – № 4.

3. Лавренюк Г.П. Обоснование принципов и разработка системы организации военной судебно-медицинской службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в мирное и военное время: дис... д-ра мед. наук. – СПб., 1996.

4. Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – С. 23–26.

5. Щедринов К.С. К вопросу производства некоторых видов судебных экспертиз при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта // Воен.-юрид. журн. – 2011. – № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шхагапсоев Кантемир Заурбиевич, капитан юстиции, адъюнкт кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

E-mail: kant615@ya.ru

TOPICAL ISSUES OF THE APPLICATION OF VIDEO CONFERENCING FOR THE VERIFICATION OF EVIDENCE IN THE AREAS OF ARMED CONFLICT

Kantemir Z. SHKHAGAPSOEV

Abstract. The article discusses technical means and the possibility of their use in the combat and high-risk situation. It proposes changes to the current legislation for the situation when investigative procedures are carried out and the danger to life and health of the persons involved exists. It proposes simplification of the investigative actions.

Keywords: technical means; armed conflict; evidentiary information; investigations; crime

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shkhagapsoev Kantemir Zaurbievich, Captain of Justice, Adjunct of Department of Criminology of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation.

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

E-mail: kant615@ya.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Основной целью рубрики «Международное военно-правовое обозрение» является обзор научных публикаций иностранных авторов в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции зарубежных стран, а также иных вопросов, представляющих интерес для российских ученых – исследователей военного права.

Балканов Илья Владимирович, ведущий рубрики, военный переводчик, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Balkanov Il'ya Vladimirovich, review author, military interpreter, Adjunct of Department of English of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

E-mail: i-balkanov@mail.ru

Старцун Виктор Николаевич, научный редактор рубрики, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4.

Email: kafgp@mail.ru

Startsun Viktor Nikolaevich, review editor, Dr. Sc. (Law), Professor, Head of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4, Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation.

Email: kafgp@mail.ru

-
- Россия, гуманитарная интервенция и обязательство защищать: Сирия
 - Военная интервенция против ИГИЛ в Ираке, Сирии и Ливии и правовая основа интервенции по согласию
 - Правомерность ударов БПЛА в вооруженных конфликтах
 - Правовые и этические последствия применения БПЛА в вооруженных конфликтах

УДК 341.3

РОССИЯ, ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ЗАЩИТАТЬ: СИРИЯ

Д. АВЕРРЕ,доктор наук, Центр российских, европейских и евроазиатских исследований,
университет Бирмингема, Великобритания**Л. ДЭВИС,**докторант, Центр российских, европейских и евроазиатских исследований,
университет Бирмингема, Великобритания

Аннотация. Каждое государство имеет обязательства перед гражданами других стран по недопущению систематических нарушений прав человека («обязательство защищать»), что поднимает задачу по защите прав человека выше принципов территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Данная работа анализирует возможность использования данного обязательства в целях обоснования правовой позиции Российской Федерации относительно ливийского, сирийского и других конфликтов.

Ключевые слова: обязательство защищать, вмешательство во внутренние дела, права человека, Сирия

Каждое государство имеет обязательства перед гражданами других стран по недопущению систематических нарушений прав человека («обязательство защищать»), что ставит задачу по защите прав человека выше принципов территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела.

Неодобренное ООН вмешательство НАТО во внутренние дела Югославии было подвергнуто оправданной критике со стороны Российской Федерации: вторжение под предлогом «гуманитарной интервенции» является противоправным

вмешательством во внутренние дела другого государства. Россия придерживалась данной позиции во время конфликтов в Ираке, Ливии и Сирии.

По мнению Д. Аврре и Л. Дэвиса, российская международно-правовая позиция относительно «обязательства защищать» исходит из того, что укрепление государственного суверенитета и стабилизация обстановки внутри страны способствуют решению кризисной ситуации и защищают основные права и свободы граждан. Избыточное применение силы в интересах одной из сторон конфликта ведет к гуманитарной катастрофе и гражданской войне, поэтому кризис должен решаться путем политического диалога.

Однако, работа не лишена анализа критических взглядов в отношении политики Российской Федерации. В частности авторы указывают на селективный подход к пониманию «обязательства защищать», когда оно используется для оправдания вмешательства во внутренние дела других государств с целью защиты прав русскоязычного населения. Проводятся параллели между ситуацией в Косово и ситуацией в Крыму.

Данная статья представляет интерес для отечественных ученых с точки зрения использования «обязательства защищать» для международно-правовой квалификации действий Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике, изучения актуальных вопросов международного и военного права.

Оригинал статьи: Averre, Derek. Russia, humanitarian intervention and the Responsibility to Protect: the case of Syria / D. Averre, L. Davies // Royal Institute of International Affairs. – Oxford: John Willey and Sons, 2015, 91 (4). – pp. 813-834

International Military Law Review

**RUSSIA,
HUMANITARIAN INTERVENTION
AND THE RESPONSIBILITY
TO PROTECT: THE CASE OF SYRIA**

Abstract. Each state has an obligation to the citizens of other countries to prevent violations of human rights (responsibility to protect), which raises the problem of human rights above the principles of the territorial integrity and non-interference in the internal affairs. This paper reviews the use of the responsibility to justify the Russian Federation's position on Libya, Syria and other conflicts.

Keywords: responsibility to protect; interference in internal affairs; human rights; Syria

Беженцы в Сирии

УДК 341.3

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ ИГИЛ В ИРАКЕ, СИРИИ И ЛИВИИ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИНТЕРВЕНЦИИ ПО СОГЛАСИЮ

К. БАННЕЛИЕР-КРИСТАКИС,доктор наук, доцент международного права,
университет Гренобля, Франция

Аннотация. Данная работа анализирует международно-правовой институт «интервенции по приглашению», на основе которого предлагает целевой подход для оправдания вмешательства во внутренние дела другого государства и применения военной силы за рубежом. Дается международно-правовая оценка действий возглавляемой США коалиции в Ираке и Ливии, сравнительно-правовая оценка действий России и США в ходе сирийского конфликта.

Ключевые слова: обязательство защищать, интервенция по согласию, интервенция по приглашению, права человека, Сирия

Интервенция по согласию является столь же распространенным правовым основанием для использования военной силы на территории другого государства, как и право на самооборону. При этом

существуют две проблемы: действительность согласия и законность приглашающего правительства. В данной работе проводится оценка различных конфликтов с целью определить, является ли согласие международного сообщества и правительства принимающего государства достаточным правовым основанием для применения военной силы на территории другого государства.

Приглашение правительства принимающего государства и согласие международного сообщества стали правовым основанием для вмешательства 11 государств во внутренние дела Ирака, для нанесения воздушных ударов по объектам ИГИЛ в Ливии, а также для участия Ирана и России в борьбе с признанными ООН террористическими организациями на территории Сирийской Арабской Республики. С другой стороны, авторы статьи отмечают, что возможные воздушные удары ВКС РФ по позициям умеренной сирийской оппозиции вызывают определенную критику международного сообщества.

Применение силы на территории другого государства по приглашению правительства данного государства является законным только в том случае, если оно не направлено на оказание поддержки одной из сторон немеждународного вооруженного конфликта, а цель военной операции признана законной

другими участниками международного сообщества, например решением Совета Безопасности ООН.

По мнению автора работы, действия России и Ирана в Сирийской Арабской Республике удовлетворяют критериям целевого подхода к интервенции по приглашению, в отличие от действий возглавляемой США коалиции.

Данная статья представляет интерес для отечественных ученых с точки зрения использования интервенции по приглашению для международно-правовой квалификации действий Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике, изучения актуальных вопросов международного и военного права.

Перевод статьи можно заказать в редакции журнала.

Оригинал статьи: Bannelier-Christakis, Karine. Military Interventions Against ISIL in Iraq, Syria and Libya and the Legal Basis of Consent / K. Bannelier // Leiden Journal of International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016, 29 (3). – pp. 745-775

International Military Law Review

**MILITARY INTERVENTIONS
AGAINST ISIL IN IRAQ,
SYRIA AND LIBYA
AND THE LEGAL BASIS
OF CONSENT**

Abstract. This paper analyzes the international legal institution of the intervention by invitation, which is used to offer a targeted approach to justify interference in the internal affairs of another state, and the use of military force abroad. It gives international legal assessment of the actions of the US-led coalition in Iraq and Libya, provides comparative legal assessment of the actions of Russia and the United States in the Syrian conflict.

Keywords: responsibility to protect; intervention by consent; intervention by invitation; human rights; Syria

Сирийские студенты митингуют в поддержку Путина

ПРАВОМЕРНОСТЬ УДАРОВ БПЛА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

К. МАРТИН,

профессор, доктор права, преподаватель международного права
и права вооруженных конфликтов в юридической школе университета Уошберна, США

Аннотация. В статье анализируется правомерность применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для уничтожения военных целей в ситуации вооруженного конфликта в контексте норм международного гуманитарного права и международного права в области защиты прав человека.

Ключевые слова: правовое регулирование применения БПЛА, право вооруженного конфликта, международное гуманитарное право, международное право в области защиты прав человека

В данной статье рассматривается правомерность применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в ситуации вооруженного конфликта. Автор исследует, какие особенности БПЛА как системы вооружения позволяют рассматривать их применение в качестве нарушения норм международного права.

Статья построена на анализе норм международного гуманитарного права и международного права в области прав человека, а также на данных и выводах отчета о гибели гражданских лиц в результате ударов БПЛА США в Афганистане. Исследование содержит анализ конкретных случаев применения БПЛА, проведенный в контексте теории когнитивной согласованности.

По мнению автора статьи, особенности БПЛА как системы воздушного нападения позволяют применять нормы международного гуманитарного права для правового регулирования использования БПЛА в вооруженном конфликте. Однако тот факт, что БПЛА обычно используются для ведения тайных операций и уничтожения точечных целей, создает предпосылки для нарушения международного права: критерии отбора и идентификации «точечных» целей в боевой обстановке и сопутствующий ущерб (в том числе многочисленные жертвы среди мирного населения) позволяют автору утверждать, что сегодня применение БПЛА создает многочисленные риски нарушения международно-правовых обязательств, возникающих у участников вооруженного конфликта как на основании норм международного гуманитарного права, так и международного права в области защиты прав человека.

Автор подчеркивает парадокс БПЛА как системы вооружения. Возможность проведения незаметных операций без участия человека и возможность принятия решения в спокойной обстановке, когда оператор БПЛА и должностное лицо, отдающее приказ на применение силы, находятся за пределами района вооруженного конфликта в теории являются неоспоримым преимуществом БПЛА, гарантирующим соблюдение норм международного права.

Однако использование БПЛА для нанесения точечных ударов в чувствительной обстановке, где высок риск нанесения неоправданного сопутствующего ущерба, на практике приводит к многочисленным нарушениям норм международного гуманитарного права и международного права в области защиты прав человека.

Данная статья представляет интерес для отечественных ученых с точки зрения анализа международно-правовых рисков применения БПЛА в условиях вооруженного конфликта в контексте норм международного гуманитарного права и международного права в области защиты прав человека, изучения актуальных вопросов международного и военного права.

Оригинал статьи: Martin, Craig. A means-methods paradox and the legality of drone strikes in armed conflict / C. Martin // The International Journal of Human Rights, – Oxford: Routledge, 2015, Vol. 19, No. 2.

International Military Law Review

LEGALITY OF DRONE STRIKES IN ARMED CONFLICT

Abstract. This paper examines the validity of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) for the destruction of military targets in the situations of armed conflict in the context of international humanitarian law and international human rights law.

Keywords: legal regulation of drone strikes; law of armed conflict; international humanitarian law; international human rights law

Примерно с 90-х годов лидерство в разработке беспилотных боевых систем перешло к США, в 2012 году на вооружении ВС США находилось почти 7,5 тыс. единиц БПЛА различных модификаций

Семь стран подверглись атакам американских дронов, во время которых было убито тысячи людей – по большей части безоружных гражданских лиц

Беспилотный Predator с бортовым номером 3034.
Ныне борт 3034 выставлен Национальном музее авиации и космонавтики в Вашингтоне

УДК 341.3

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ БПЛА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

М. БОЙЛ,

доцент, доктор политических наук,

преподаватель кафедры политических наук Университета Ла Саль, США

Аннотация. В данной статье рассматривается правомерность применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для уничтожения точечных целей в контексте существующих правовых норм, применимых в ситуации вооруженного конфликта. Анализируется правомерность применения мер «упреждающей самообороны» для ликвидации лидеров террористических организаций и возможность изменения традиционного подхода к применению силы.

Ключевые слова: правовое регулирование применения БПЛА, право вооруженного конфликта, международное гуманитарное право, международное право в области защиты прав человека

В данной статье рассматривается правомерность применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для уничтожения точечных целей в контексте существующих норм международного права.

Правомерность применения БПЛА для уничтожения точечных целей как в ситуации международного или немеждународного вооруженного конфликта, так и в других случаях является предметом активной научной дискуссии.

Автор особо подчеркивает, что БПЛА могут использоваться не только для уничтожения отдельных целей, но также и в других «особых обстоятельствах», например для ведения наблюдения за ходом конфликта в Сирийской Арабской Республике, где использование иных средств наблюдения и разведки затруднено, а также в операциях ООН по поддержанию мира.

Использование БПЛА для выполнения этих и других задач поднимает ряд этических и правовых вопросов: правомерность применения БПЛА, контроль за действиями операторов БПЛА, ответственность за причинение сопутствующего ущерба.

По мнению автора статьи, государственная практика США и отсутствие противодействия со стороны международного сообщества привели к появлению права на «упреждающую самооборону», которое позволяет использовать БПЛА для уничтожения конкретных целей, представляющих собой угрозу национальной безопасности.

Автор полагает, что таким образом был создан правовой прецедент, который не только ставит под сомнение традиционный подход к применению силы, но и дает основания для формирования особого правового режима, регулирующего применение БПЛА в военных и специальных целях.

Данная статья представляет интерес для отечественных ученых с точки зрения создания правовой основы применения БПЛА, изучения актуальных вопросов международного права и права вооруженных конфликтов.

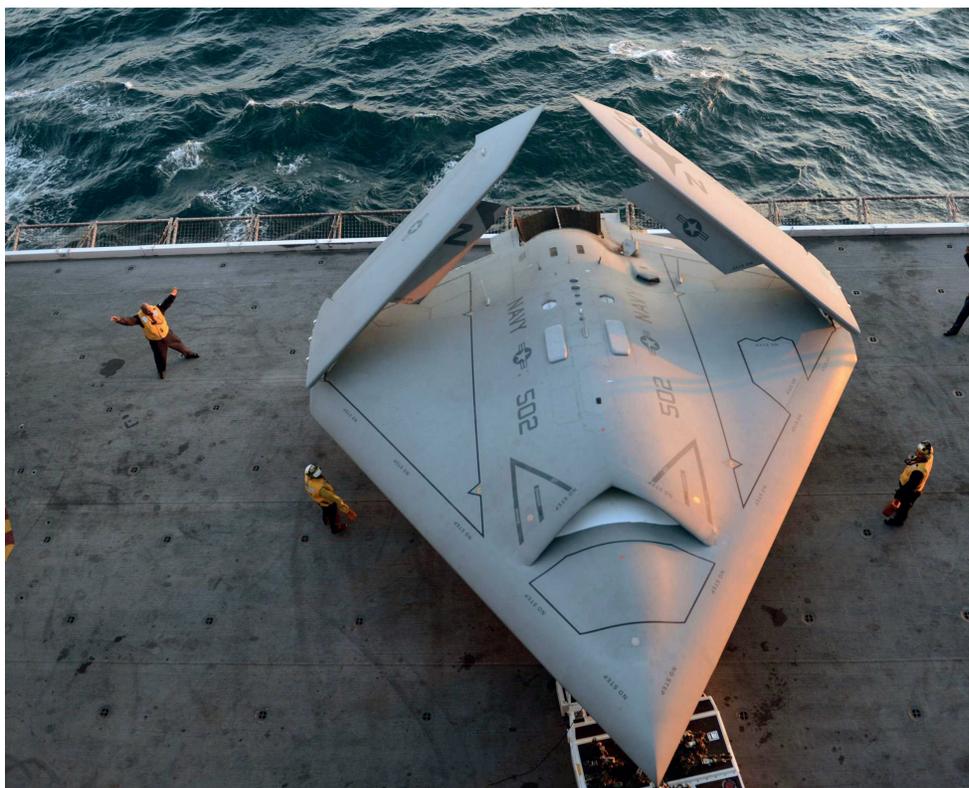
Оригинал статьи: Boyle, Michael J. The legal and ethical implications of drone warfare / M.J. Boyle // The International Journal of Human Rights, – Oxford: Routledge, 2015, Vol. 19, No. 2.

International Military Law Review

LEGAL AND ETHICAL IMPLICATIONS OF DRONE WARFARE

Abstract. This paper examines the validity of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) for targeted killings in the context of the existing legal norms applicable in the situation of armed conflict. It analyzes the legitimacy of the use of a right of anticipatory self-defense to eliminate the leaders of terrorist organizations and the possibility to change the traditional approach to the use of force.

Keywords: legal regulation of drone strikes; law of armed conflict; international humanitarian law; international human rights law

X-47B - многоцелевой боевой беспилотный летательный аппарат производства компании Northrop Grumman. Способен взлетать с авианосца.

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Основной целью рубрики «Экспертное мнение» является оперативное реагирование на актуальные вызовы и проблемы в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции. Наши эксперты – ученые и признанные специалисты в своей области – дают экспертно-правовую оценку наиболее актуальных событий и материалов, публикуемых в отечественных и зарубежных СМИ, на основе действующего военного законодательства и военного права.

Белый Игорь Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
Email: kafgp@mail.ru

Belyi Igor' Yur'evich, Dr. Sc. (Law), Professor of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
Email: kafgp@mail.ru

Дерешко Богдан Юльевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации по научной работе

123995, Москва, ул. Поварская, д. 25.
Email: dbj2000@mail.ru

Dereshko Bogdan Yul'evich, Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Deputy Head for Research of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

25 Povarskaya Str., Moscow, 123995, Russian Federation.
Email: dbj2000@mail.ru

-
- О создании специального международного уголовного трибунала по преступлениям в Сирии
 - О законности использования подразделений специального назначения Федеральной службы войск национальной гвардии для борьбы с терроризмом и экстремизмом за пределами территории Российской Федерации

УДК 341.645

О СОЗДАНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ТРИБУНАЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СИРИИ

И.Ю. БЕЛЫЙ,

доктор юридических наук,

профессор кафедры гражданского права Военного университета

Аннотация. В комментарии рассматривается возможность создания Специального международного уголовного трибунала по Сирии.

Ключевые слова: Международный уголовный суд; Римский статут; специальный международный уголовный трибунал

Более 6 списков подозреваемых в совершении военных преступлений на территории Сирийской Арабской Республики (САР) и пяти тысяч их свидетельств – таков результат работы международной комиссии по расследованию преступлений в Сирии с 2011 г. Юристы и военные эксперты опросили свыше 550 очевидцев страшных событий. Причем эта работа проводилась в непростых условиях, въезд в страну для членов комиссии был закрыт. Вопросы задавали по телефону, Skype и лично за пределами государства. Люди свидетельствовали о преступлениях против че-

ловека в воинских частях, силовых структурах и вооруженных группах. Данные опросов легли в основу доклада о вине правительства в преступлениях против человечности, а вооруженных мятежников – в военных преступлениях.

О том, что организаторов и зачинщиков гражданской войны, тех, кто своим действием или бездействием способствовал ее разжиганию, надо привлекать к международной уголовной ответственности, уже давно говорит все мировое сообщество. И сегодня члены комиссии говорят о создании Специального международного уголовного трибунала.

Франция подготовила Резолюцию, в которой просила передать дела о военных преступлениях в Сирии на рассмотрение Международного уголовного суда. Ее одобрили 58 стран Совета Безопасности ООН. Россия и Китай воспользовались правом вето и блокировали ее принятие. По мнению экспертов, причин несколько. Как отметили в Министерстве иностранных дел РФ, в документе «искажалось реальное положение дел». Есть мнения, что трибунал может быть политизирован и применяться как инструмент давления на Россию, а также для того, чтобы сорвать возобновившиеся в Женеве мирные переговоры.

При создании Специального международного уголовного трибунала по Сирии необходимо использовать уже нако-

пленный опыт. Примером могут послужить созданные судебные органы по бывшей Югославии и Руанде. В обоих случаях структура создавалась на основании Резолюций Совета Безопасности ООН. Но в настоящее время принятие подобной Резолюции по Сирии проблематично.

Создать суды по военным преступлениям в Сирии возможно по типу таких, что работают на основе договоров государств с ООН, например в Сьерра-Леоне. Но такой механизм воздействия стал возможен благодаря личному обращению в ООН президента Сьерра-Леоне Ахмеда Кабба.

Ориентироваться можно и на тип интернационализированных судов, когда дела в национальных уголовных судах рассматривают с участием международных судей. К таким судам доктрина международного права относит Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины: доказательства преступлений, собранные в бывшей Югославии, используются в судопроизводстве Боснии и Герцеговины.

В Международном уголовном суде также не могут начать расследовать преступления, совершенные в Сирии, поскольку данное государство не является участником Римского статута. Подобные расследования станут возможны, либо если Сирия признает юрисдикцию МУС (что подразумевает сотрудничество с судом без задержек и исключений), либо если Совету безопасности ООН удастся преодолеть вето и сирийское досье будет направлено в МУС.

21 декабря 2016 г. большинство членов Генеральной Ассамблеи ООН выступили за резолюцию, которая обеспечит «беспристрастный и независимый механизм» преследования ответственных за преступления в Сирии. Идею документа поддержали 105 государств, против выступили 15 стран, в том числе Россия, Венесуэла, Куба, Иран и Сирия.

Таким образом, создание Специального международного уголовного трибунала по Сирии возможно при наличии либо Резолюции Совета Безопасности ООН, либо Резолюций Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и иных уполномоченных органов ООН, соглашений между ООН и национальным правительством САР, а также политической воли правительства Сирии, выраженной в виде международных соглашений и национальных нормативных правовых актов.

Expert Opinion

ON THE ESTABLISHMENT OF THE SPECIAL INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNAL FOR CRIMES IN SYRIA

Abstract. The commentary examines the possibility of creating a special international criminal tribunal for Syria.

Keywords: International Criminal Court; Rome Statute; special international criminal tribunal

Международный уголовный суд

УДК 341.3

О ЗАКОННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ДЛЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(комментарий на статью П. Саруханова «Сирийский десант», Новая газета, № 2, от 13 января 2017 г.)

Б.Ю. ДЕРЕШКО,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника ФГКУ «ВНИИ МВД России»
по научной работе

Аннотация. В комментарии рассматривается вопрос законности использования подразделений специального назначения Федеральной службы войск национальной гвардии для борьбы с терроризмом и экстремизмом за пределами территории Российской Федерации.

Ключевые слова: Федеральная служба войск национальной гвардии; Договор о коллективной безопасности; подразделения специального назначения

В настоящее время Вооруженные Силы Российской Федерации по поручению Президента Российской Федерации

В.В.Путина выполняют задачи по противодействию международным террористическим группировкам на территории Сирийской Арабской Республики (САР) по приглашению президента Сирии Башара аль-Асада.

13 января 2017 г. в «Новой газете» появилась информация из неофициальных источников о том, что военнослужащие Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (ФСВНГ) также могут быть переброшены в Сирию. В качестве «доказательства» авторы приводят брошюры, которые, по данным «источника», «распространяются среди военнослужащих батальона «Север» сотрудниками отделения по работе с личным составом 46-й ОБРОН ФСВНГ». По мнению автора статьи, использование национальной гвардии в Сирии нарушает действующее законодательство, так как «национальным законодательством ограниченное использование войск Национальной гвардии в военных конфликтах за пределами Российской Федерации предусмотрено только одним документом – Договором о коллективной безопасности.

На Параде Победы

Но Сирия – не член ОДКБ» («Новая Газета» от 13 января 2017 г).

Ряд экспертов, комментирующих данную информацию, утверждают, что «правовых оснований для формирования воинского контингента из числа военнослужащих Нацгвардии для использования в Сирии федеральное законодательство России не содержит», а подобное «решение президента не будет основано на существующих федеральных законах и Конституции России» (Комментарий П. Заикина, «Новая Газета» от 13 января 2017 г.).

Мы имеем правовые основания не согласиться с авторами статьи и комментариями вышеназванного эксперта по данному вопросу, так как действующее законодательство Российской Федерации, в частности статья 5 Федерального закона «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ, определяет, что Президент Российской Федерации в установленном порядке принимает решение «об использовании за пределами территории Российской Федерации формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения для борьбы с террористической деятельностью». Такое право предоставлено

Президенту Российской Федерации Постановлением № 219-СФ Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

В соответствии с статьей 2 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» № 226-ФЗ для выполнения задач по борьбе с терроризмом и экстремизмом в составе войск национальной гвардии в числе других созданы такие подразделения специального назначения, как самостоятельные, так и в составе отдельных бригад оперативного назначения. Вопрос о создании данных подразделений входит в компетенцию директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Таким образом, решением Президента Российской Федерации подразделения специального назначения, а не все войска национальной гвардии Российской Федерации в целом (при этом «Новая газета» признает, что на сегодня отсутствуют какие-либо доказательства возможности применения в Сирии любых других подразделений национальной гвардии), могут привлекаться для участия в борьбе с терроризмом и экстремизмом за пределами территории нашей страны, так как правовые основания для этого установлены российским законодательством.

Expert Opinion

ON THE LEGALITY OF THE USE OF SPECIAL OPERATIONS UNITS OF THE FEDERAL NATIONAL GUARD TROOPS SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO FIGHT AGAINST TERRORISTS AND EXTREMISTS ABROAD

(Comment on the article by P. Sarukhanov 'Syriyskiy Desant' (Syrian Assault Force) in Novaya Gazeta of 13 January 2017)

Abstract. The commentary discusses the legality of the use of the special operations units of the Federal National Guard Troops Service to fight against terrorists and extremists abroad.

Keywords: Federal troops of the National Guard; The Collective Security Treaty; special purpose units

УДК 336

КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На базе юридического направления Военного университета состоялось заседание межкафедрального круглого стола в рамках постоянно действующего научно-практического семинара «Актуальные проблемы правового регулирования финансово-экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации». В заседании приняли участие: **В.Н. Старцун** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права; **А.Н. Подшибякин** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой военной администрации, административного и финансового права; **А.И. Землин** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права; **И.А. Назарчук** – кандидат юридических наук, докторант кафедры военной администрации, административного и финансового права; **А.Ф. Азанков, С.А. Белецкий, Д.Ю. Бородицкий, Е.А. Калинин, А.С. Колышев, О.А. Королева, М.Н. Никонов, А.А. Путилин, С.В. Романов, Е.А. Семенов, А.А. Синчура, Д.В. Шувалов** – слушатели факультета переподготовки и повышения квалификации Военного университета.

В ходе заседания были обсуждены проблемы правового обеспечения

финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации, сформулированы предложения по его совершенствованию, рассмотрены другие аспекты правового регулирования финансово-экономической деятельности.

В публикуемом отчете приводятся тезисы некоторых выступлений участников круглого стола.

Ключевые слова: внешний государственный финансовый контроль; внутренний государственный финансовый контроль; ведомственный контроль; внутренний финансовый контроль; внутренний финансовый аудит; налогообложение; противодействие коррупции

А.И. ЗЕМЛИН АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Увеличение ассигнований, выделяемых на нужды обороны в последние годы, требует принятия эффективных и действенных мер по повышению результативности их расходования. Важнейшая из этих мер – обеспечение качественного функционирования системы контроля за использованием ассигнований.

В настоящее время система финансового контроля за финансовой деятельностью в Вооруженных Силах Российской Федерации представлена государственным финансовым контролем (внешним и внутренним), а также внутренним финансовым контролем и внутренним финансовым аудитом.

В статье 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации определено, что внешний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью соответственно Счетной палаты Российской Федерации, контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местных администраций, Федерального казначейства (финансовых органов субъектов Российской Федерации или муниципальных образований).

Следовательно, органом, осуществляющим данный вид контроля за финансово-хозяйственной деятельностью Вооруженных Сил Российской Федерации после расформирования Федеральной службы по финансово-бюджетному надзору (Росфиннадзора) и передачи ее функций в части контроля в финансово-бюджетной сфере Федеральному казначейству, является Федеральное казначейство.

Нормы статьи 268.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации определяют полномочия органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля по осуществлению внешнего государственного (муниципального) финансового контроля и, по сути, дублируют нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации».

Согласно статье 269.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации полномочиями органов внутреннего государственного (муниципального) финансового

контроля по осуществлению внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, в частности, являются:

– контроль за соблюдением бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения;

– контроль за полнотой и достоверностью отчетности о реализации государственных (муниципальных) программ, в том числе отчетности об исполнении государственных (муниципальных) заданий.

Статья 267.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации устанавливает, что методами осуществления государственного финансового контроля являются: проверка, ревизия, обследование, санкционирование операций.

Особо следует выделять внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит, не входящий в систему государственного финансового контроля, осуществляемый главными распорядителями бюджетных средств в отношении подведомственных учреждений – получателей бюджетных средств (казенных учреждений), составляющих большинство военных учреждений, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации.

Правила осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) доходов федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита федерального бюджета внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита были утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 марта 2014 года № 193, а Правила осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд – Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 года № 89.

Нормой статьи 160.2-1 Бюджетного кодекса Российской Федерации установлена обязательность проведения внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита, на основании чего Постановлением Правительства Российской Федерации

от 17 марта 2014 года № 193 утверждены Правила осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) доходов федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита федерального бюджета внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита.

Так, согласно указанным Правилам¹ внутренний финансовый контроль осуществляется непрерывно руководителями (заместителями руководителей), иными должностными лицами главного администратора (администратора) средств федерального бюджета, организующими и выполняющими внутренние процедуры составления и исполнения федерального бюджета, ведения бюджетного учета и составления бюджетной отчетности (внутренние бюджетные процедуры). Этот вид контроля осуществляется в структурных подразделениях главного администратора (администратора) средств федерального бюджета и получателя средств федерального бюджета, исполняющих бюджетные полномочия.

Особо выделен ведомственный контроль в системе внутреннего финансового контроля. Так, руководитель (заместитель руководителя), должностные лица уполномоченных подразделений главного администратора (администратора) бюджетных средств осуществляют контроль по уровню подведомственности путем проведения в соответствии с картой внутреннего финансового контроля проверок, направленных на установление соответствия представленных документов требованиям нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, правовых актов главного администратора (администратора) бюджетных средств, согласно Методическим рекомендациям Министерства финансов Российской Федерации по осуществлению внутреннего финансового контроля.

Помимо внутреннего финансового контроля администратор расходов бюджета организует систему внутреннего финансового аудита, который осуществляется структурными подразделениями и (или) уполномоченными должностными лицами, работниками главного администратора (администратора) средств федерального бюджета².

Внутренний финансовый аудит осуществляется посредством проведения плановых и внеплановых аудиторских проверок. Плановые проверки осуществляются в соответствии с годовым планом внутреннего финансового аудита, утверждаемым руководителем главного администратора (администратора) средств федерального бюджета.

К полномочиям Министерства обороны Российской Федерации относится осуществление контроля финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.

К полномочиям Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации относится осуществление мероприятий по контролю финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, порядок проведения которых определен Методическими рекомендациями по проведению контрольных мероприятий финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденными указанием заместителя Министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2013 года № 205/2/90.

Необходимо отметить, что Контрольно-финансовая инспекция Министерства обороны Российской Федерации является органом внутреннего финансового контроля, наделенным специальными полномочиями по осуществлению контроля по подведомственности (ведомственного контроля) в Министерстве обороны Российской Федерации как администраторе бюджетных расходов.

¹ Правила осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) доходов федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита федерального бюджета внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 марта 2014 г. № 193 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12. Ст. 1290.

² Там же.

Участники круглого стола

Предназначением Инспекции является организация и осуществление контроля финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Таким образом, необходимость исследования, научного осмысления и совершенствования правовых основ финансового контроля в Вооруженных Силах predetermined потребностями практики военно-финансовой деятельности.

И.А. НАЗАРЧУК
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО
ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ
И ВНУТРЕННЕГО ФИНАНСОВОГО
АУДИТА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Осуществление финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации имеет свои особенности, объясняемые особым их предназначением и в связи с этим их особыми формами управления и организационной структурой.

С помощью финансового контроля в Вооруженных Силах органы государственного управления получают достоверную информацию о финансовом обеспечении армии и флота.

Контроль используется для повышения исполнительской дисциплины,

оценки работы, предотвращения нежелательных последствий, оперативного регулирования текущих процессов³. Контроль как способ обеспечения законности предполагает сопоставление проверяемой деятельности с нормами права, которыми она регламентируется, в результате чего выявляются нарушения действующего законодательства, принимаются меры по устранению выявленных нарушений, что ведет к восстановлению нарушенной законности, ее обеспечению в последующем.

Согласно статье 1 Лимской декларации руководящих принципов контроля организация контроля является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами, так как такое управление влечет за собой ответственность перед обществом⁴.

В настоящее время значительное число органов военного управления наделено контрольными либо квазиконтрольными полномочиями (аудит, анализ, оценка и т. д.) в сфере расходования бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны. Такого рода задачи в отдельных областях военно-финансовой и военно-экономической деятельности содержатся, к примеру, в положениях о следующих органах военного управления: Управление военно-экономического анализа государственной программы вооружения

³ Советское административное право. Формы и методы государственного управления. М., 1972.

⁴ Лимская декларация руководящих принципов контроля // Правовое регулирование государственного финансового контроля в зарубежных странах. М., 1998. С. 42-53.

и государственного оборонного заказа; Департамент финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации; Департамент финансового планирования Министерства обороны Российской Федерации; Департамент экономического анализа и прогнозирования Министерства обороны Российской Федерации; Департамент финансового мониторинга государственного оборонного заказа Министерства обороны Российской Федерации; Департамент государственных закупок Министерства обороны Российской Федерации; Департамент аудита государственных контрактов Министерства обороны Российской Федерации и др.

Остановимся на вопросах совершенствования системы внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В целях обеспечения финансовой дисциплины, определения основ организации и осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в Вооруженных Силах Российской Федерации, обеспечения согласованности, последовательности и результативности мер по совершенствованию системы внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в Вооруженных Силах принята Концепция осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденная приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2015 года № 577.

В Концепции вполне обоснованно отмечается, что Министерству обороны Российской Федерации предстоит осуществить комплекс мероприятий по совершенствованию системы внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита, разработав необходимую нормативную правовую базу, проведя мероприятия по совершенствованию методологического и методического, а также информационно-аналитического обеспечения системы внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита.

Концепция закрепляет основополагающие цели и задачи системы внутреннего финансового контроля и

внутреннего финансового аудита в Вооруженных Силах Российской Федерации. Также она определяет основные направления совершенствования в данной сфере деятельности.

Применительно к внутреннему финансовому контролю в Концепции достаточно полно прописаны его субъекты, к которым отнесены:

- руководство Вооруженных Сил Российской Федерации;

- органы военного управления, на которые возложены функции по организации и выполнению внутренних бюджетных процедур, ведению бюджетного учета и составлению бюджетной отчетности;

- органы военного управления, на которые возложены функции по контролю за финансово-хозяйственной и экономической деятельностью воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющие свою деятельность обособленно или находящиеся в составе подразделений Министерства обороны Российской Федерации.

Основными направлениями повышения эффективности функционирования системы внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита являются:

- совершенствование нормативной правовой базы, методологического и методического обеспечения внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита;

- совершенствование информационно-аналитического обеспечения органов внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита;

- организация взаимодействия с органами государственного финансового контроля;

- организация взаимодействия с правоохранительными органами.

Представляется возможным и обоснованным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, о возрастающем понимании значимости роли финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации свидетельствует значительное число органов контроля, а также расширение их полномочий. Однако очевидна необходимость систематизации их деятельности, правовое урегулирование функций и задач.

Во-вторых, необходимость формирования адекватной современным потребностям эффективного контроля за расходованием бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны, в условиях перехода к программному принципу формирования бюджета, новой системы государственных закупок предопределяет значимость системной переработки и совершенствования нормативной базы финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Е.А. СЕМЕНОВ
ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ
НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
КАЗЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Министерстве обороны Российской Федерации широкое распространение получила такая форма некоммерческих государственных учреждений, как казенные. Особенности правового положения казенных учреждений определены в статье 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Кроме того, на них также распространяется действие и Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Казенные учреждения являются некоммерческими организациями, но они занимают особое место в системе государственных (муниципальных) учреждений.

В Бюджетном кодексе Российской Федерации определены следующие основные особенности казенного учреждения:

- казенное учреждение находится в ведении органа государственной власти (государственного органа), осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, если иное не установлено законодательством Российской Федерации;

- финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и на основании бюджетной сметы;

- казенное учреждение может осуществлять приносящую доходы

деятельность, только если такое право предусмотрено в его учредительных документах. Доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации;

- казенное учреждение осуществляет операции с бюджетными средствами через лицевые счета, открытые ему в органах Федерального казначейства либо в финансовых органах.

Казенные учреждения имеют множество привилегий в области налогообложения. Они не уплачивают НДС при выполнении работ в рамках государственного (муниципального) задания. Субсидии, предоставляемые на выполнение данного задания, а также передача на безвозмездной основе основных средств таким учреждениям также не облагаются НДС. При исчислении налоговой базы по налогу на прибыль не учитывается в качестве дохода: имущество, полученное по решению органов исполнительной власти; имущество, полученное в рамках целевого финансирования; целевые поступления, а также не учитываются доходы и расходы казенных учреждений в связи с исполнением государственных функций. Все остальные доходы, расходы, а также средства, использованные не по целевому назначению, принимаются к расчету налога на прибыль в общеустановленном порядке. Казенные учреждения освобождаются от уплаты государственной пошлины за право использования наименований «Россия», «Российская Федерация» и образованных на их основе слов в своих наименованиях. Учреждениям данного вида предоставляется льгота по налогу на имущество и транспортному налогу.

Согласно нормам Налогового кодекса Российской Федерации налоговую ответственность можно определить как меру государственного принуждения, установленную данным кодексом за совершение налогоплательщиком, налоговым агентом и иными лицами противоправных деяний, нарушающих законодательство о налогах и сборах (налоговых правонарушений).

Ответственность за налоговые правонарушения для казенных учреждений установлена только Налоговым кодексом Российской Федерации и не имеет каких-либо специфических отличий от налоговой ответственности иных форм юридических лиц.

С.А. БЕЛЕЦКИЙ
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ
ГАРАНТИЙ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Существующая в настоящее время система социальных государственных гарантий государственных служащих в основном выполняет функцию их социальной защиты. Но при этом данная система нуждается в надлежащем законодательном оформлении и корректировке.

Как показывает анализ действующего законодательства, имеют место следующие проблемы правового регулирования в указанной области:

- отсутствие единого нормативного правового акта о государственных гарантиях гражданских служащих;

- отсутствие федеральных законов о медицинском страховании, государственном пенсионном обеспечении гражданских служащих, к которым отсылает Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», что объективно порождает коллизии и пробелы в правовом регулировании;

- отсутствие нормативно установленных показателей определения базовых ставок должностных окладов в оплате труда;

- неоправданная (с позиций трудозатрат, характера и условий труда) дифференциация гарантий, предоставляемых разным категориям госслужащих;

- отнесение законом гарантий жилищного, транспортного обеспечения госслужащих, замещения иной должности госслужбы при реорганизации или ликвидации государственного органа к числу дополнительных, что ставит решение этих вопросов на усмотрение руководителя и является коррупциогенным фактором;

- отсутствие единого подхода к введению дополнительных гарантий государственным служащим.

В ходе реформирования государственной службы ставится цель повышения ее эффективности, что возможно осуществить путем привлечения на госслужбу высококвалифицированных специалистов. Стимулом поступления на государственную службу для таких профессионалов будет эффективная система государственных социальных гарантий.

Д.В. ШУВАЛОВ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Оценивая существующие угрозы в области функционирования государственной власти, в том числе и в Министерстве обороны Российской Федерации, необходимо отметить, что одной из самых опасных среди них является коррупция.

Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации.

Понятие коррупции определено Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями на 3 июля 2016 года), в соответствии с которым коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Современные виды коррумпированного поведения должностных лиц ушли далеко за рамки простого подкупа. Повсеместное распространение получили криминальный лоббизм, корыстный сговор должностных лиц, инвестирование коммерческих структур за счет бюджета в ущерб интересам государства.

Как отмечается многими учеными, современная коррупция представляет собой множество разветвленных структур, которые не только осуществляют противоправную деятельность, но и включаются в международные механизмы теневой экономики.

Впервые полномочия в сфере противодействия коррупции были закреплены Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 1997 года № 484 «О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе».

Важнейшим событием создания правовой базы в сфере борьбы с коррупцией в нашей стране стало подписание Российской Конвенции ООН «Против коррупции» в г. Мерида (Мексика). Данная Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ.

1 февраля 2007 г. Россия официально вступила в «Группу государств против коррупции» (ГРЕКО).

Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции» образован Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. На него возложена задача разработки Национального плана противодействия коррупции. Сегодня Национальный план действует в редакции Указа Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 года № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы».

Разработку и принятие федеральных законов по вопросам противодействия коррупции, а также контроль деятельности органов исполнительной власти в пределах своих полномочий обеспечивает Федеральное Собрание Российской Федерации.

В соответствии с российским законодательством мероприятия по противодействию коррупции подразделяются на три группы: профилактика коррупции, борьба с коррупцией и ликвидация ее последствий.

Основные направления государственной политики в области противодействия коррупции определяет Президент Российской Федерации. Кроме того, Президент Российской Федерации устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, в области противодействия коррупции.

**Panel Discussion
CURRENT PROBLEMS
OF THE LEGAL REGULATION
OF THE FINANCIAL
AND ECONOMIC ACTIVITY
OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The military law division of the Military University held the interdepartmental panel discussion – Current Problems of the Legal Regulation of the Financial and Economic Activities in Armed Forces of the Russian Federation.

The discussion was attended by: **V.N. Startsun** (moderator), Dr.Sc. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law; **A.N. Podshibyakin**, Cand.Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Military Administration, Administrative and Financial Law; **A.I. Zemlin**, Dr.Sc. (Law), Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Military Administration, Administrative and Financial Law; **I.A. Nazarchuk**, Cand.Sc. (Law), Dr.Sc. Degree Applicant of the Department of Military Administration, Administrative and Financial Law; **A.F. Azankov**, **S.A. Beletsky**, **D.Y. Boroditskii**, **E.A. Kalinkin**, **A.S. Kolyshchev**, **O.A. Korolyova**, **M.N. Nikonov**, **A.A. Putilin**, **S.V. Romanov**, **E.A. Semenov**, **A.A. Sinchura**, **D.V. Shuvalov** – officer cadets of the Department (Retraining and Advanced Training) of the Military University.

The panel discussion touched upon the issues of the legal support of the financial control in the Armed Forces of the Russian Federation, gave proposals to improve it, and considered other aspects of the legal regulation of the economic and financial activity.

The review provides abstracts of some presentations of the panel discussion participants.

Keywords: external state financial control; internal state financial control; departmental control; internal financial control; internal financial audit; taxation; anti-corruption

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (военное право, военные проблемы международного права), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации.

1.8. Рукописи слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.9. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента – научному и литературному редактированию.

1.10. Все материалы публикуются в журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.

2. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- воинское/специальное звание (при наличии);
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Примечание. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи слушателя, курсанта, студента (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе.

Рецензия (внешняя и внутренняя) и экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (разрешение на опубликование статьи в открытой печати), заверенное подписью руководителя и скрепленное печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.2. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: vestnik-vp@mail.ru;

Материалы на электронном носителе (CD, DVD, флеш-карта) и текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4, корп. 5, каб. 803, шеф-редактору (выпускающему редактору, ответственному секретарю) журнала «Вестник военного права».

5. Оформление рукописи

5.1. Технические параметры статьи

Формат страницы: А4 (210х297 мм).

Текстовый редактор: Microsoft Word 97 и выше.

Шрифт: Times New Roman.

Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.

Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.

Межстрочный интервал: полторный.

Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.

Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.

Абзацный отступ: 1,25 см.

5.2. Обязательные составные элементы статьи:

– индекс УДК (универсальная десятичная классификация);

– заголовок;

– аннотация;

– ключевые слова;

– основной текст;

– библиографический список;

– сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках

5.3. Графические элементы и иллюстрации

5.3.1. Таблицы, схемы, графики, рисунки должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождены подписями).

5.3.2. Исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы.

5.3.3. Исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах. Разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

5.4. Список литературы

5.4.1. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

5.4.2. При оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

1. Официальные документы:

– нормативные правовые акты Российской Федерации;

– международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);

– утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках – «утратил силу»;

– нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;

– нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;

Действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

2. Научная и учебная литература: монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям авторов и названиям источников.

3. Литература на иностранных языках. Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках – вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

5.4.3. Все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].